

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

В.В. Дементьев

Дискурс

Конспект лекций

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Саратов, 2011

Цели освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины «Дискурс» являются ознакомление с общими положениями и дискуссионными проблемами дискурса как междисциплинарной науки и одной из основных областей лингвистики; с наиболее значительными дискурсивными теориями XX века и основными методами анализа дискурса (логико-грамматический, коммуникативно-прагматический, психолингвистический, культурологический, социологический, формальный, когнитивный, экспериментальный, типологический). В курсе освещаются закономерности строения и функционирования дискурса и основных его единиц (диалогическое единство, речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, интенциональный компонент), основы классификаций единиц дискурса: речевых актов по их иллокуции и по роли в целом дискурсе (конституциональные, порождающие, факультативные речевые акты) и речевых жанров по их иллокуции и структуре (первичные и вторичные речевые жанры), основные особенности порождения и понимания дискурса, особенностей передачи информации в дискурсе (тема и рема, цепочечные и кустовые прогрессии), типы коммуникативных неудач и способы их интерпретации и практического предотвращения, место дискурса и дискурсивных методик в межкультурной коммуникации и переводоведении. Теоретические знания и практические навыки, полученные в результате освоения дисциплины, могут применяться выпускниками в научно-исследовательской, педагогической, прикладной и проектной деятельности, при обработке русскоязычных и иноязычных текстов, экспертном лингвистическом анализе звучащей речи и письменных текстов на любом языке в производственно-практических целях, разработке, внедрении и сопровождении лингвистического обеспечения электронных информационных систем и электронных языковых ресурсов различного назначения. Полученные сведения могут быть использованы в научно-исследовательской работе студентов над курсовыми и дипломными работами, в практической деятельности лингвиста-прикладника и преподавателя иностранного языка.

1. Дискурс как одна из основных областей лингвистики. История дискурсивного анализа как междисциплинарной области. Филологические и герменевтические истоки дискурсивного анализа в истории лингвистики. Коммуникативные истоки дискурсивного анализа. Место дискурса и дискурсивных методик в межкультурной коммуникации и переводоведении.

Лингвистика текста активно развивается в нескольких направлениях в соответствии с основными научными парадигмами современного языкознания. Выделяются структурный, коммуникативный и лингвокультурологический подходы к исследованию текста, его характеристик и категорий. Лингвисты подошли к осмыслению текста с нескольких сторон.

С позиций грамматики возникла необходимость систематизировать знания о структурах, выходящих за рамки предложения и высказывания. Изуче-

ние проблем сложного синтаксического целого, сверхфразовых единств, макросинтаксиса привело к возникновению грамматики текста. В рамках данного подхода споры ведутся о понимании текста как явления языка либо речи: иначе говоря, можно ли выделить в тексте строевые элементы, соответствующие структурным единицам в уровневой модели языка. Этот подход приобретает значительно большую объяснительную силу с учетом функциональных характеристик языковых единиц.

С позиций стилистики потребовалось обобщить большой теоретический материал, касающийся прежде всего функциональных стилей и интерпретации текста. Основные положения, к которым можно свести теоретическую базу стилистики текста, состоят, по-видимому, в следующем: 1) текст есть результат, а не процесс речи и обычно зафиксирован в письменной форме, 2) текст — это интенциональное произведение автора, обращенное к адресату, 3) существуют различные типы и жанры текстов, 4) существуют фундаментальные характеристики, свойственные всем текстам, — текстовые категории. Исследование текстовых категорий привело к возникновению лингвистики текста как особой области языкознания. Можно посетовать, что весьма удобное для данной дисциплины наименование "текстология" (ср.: "лексикология", "морфология", "фонология") уже давно используется в литературоведении для обозначения области знаний, связанных с установлением точного текста литературных произведений (история создания текста, его атрибуция, датировка и т.д.).

Для лингвистики текста (в отличие от стилистики текста) существенным является вопрос о тексте как процессе, и здесь структурная модель описания текста как самодостаточного герметичного образования становится недостаточной, возникает необходимость учета обстоятельств общения и характеристик коммуникантов, т.е. требуется переход к коммуникативной модели представления текста. Такой переход осуществляется в следующих направлениях: 1) осваиваются результаты исследований, так или иначе связанных с целым текстом, в прагма-, психо- и социолингвистике, риторике, литературоведении, когнитологии, 2) концептуально и терминологически противопоставляются текст, погруженный в ситуацию реального общения, т.е. дискурс, и текст вне такой ситуации, 3) на первый план выходят вопросы, связанные с порождением и пониманием текста, с диалогической природой общения, 4) исследуются не идеальные, правильно построенные тексты, а текстовые стратегии в их разнообразных реализациях.

Еще более широкий круг вопросов, затрагивающих сущность текста как феномена человеческой культуры, рассматривается при лингвокультурологическом исследовании текста. Корни такого подхода прослеживаются в трудах В. фон Гумбольдта и его последователей, в том числе представителей лингвистической антропологии (Hymes, 1974; Duranti, 1997). Такой подход направлен на освещение особенностей менталитета народа, обусловленных его историей и отраженных в языке, прецедентных текстах (по Ю.Н.Караулову), концептосфере (Д.С.Лихачев), культурных концептах (Ю.С.Степанов). На наш взгляд, важнейшей характеристикой дискурса как

феномена культуры являются его ценностные признаки. В коллективном сознании языковых личностей существует неписанный кодекс поведения, в котором при помощи специальных приемов изучения могут быть выделены ценностные доминанты соответствующей культуры как в этическом и утилитарном, так и в эстетическом планах (например, языковой вкус). Если понимать функцию объекта как его место в системе более высокого объекта (по Э.Бенвенисту), то функциональной характеристикой языка является его место в культуре. Соответственно интертекстуальные соотношения целого текста (либо его автономных фрагментов) являются предметом изучения лингвокультурологии. Отсюда, в частности, важность изучения вторичных текстов, аллюзий, типов дискурса.

Речевая деятельность находится в фокусе интересов современного языкознания и смежных с лингвистикой областей знания, прежде всего — психологии, социологии, культурологии. Многие термины, используемые в лингвистике речи, прагмалингвистике, психолингвистике, социолингвистике и лингвокультурологии, трактуются неоднозначно. К их числу несомненно относится такое понятие, как дискурс. Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление в столь различных научных системах, что само понятие "дискурс" стало шире понятия "язык". Показательна статья С.Слембрука "Что значит "анализ дискурса"?" (Slembrouck, 2001), автор которой привлекает для объяснения сущности этого понятия такие области знания, как аналитическую философию в качестве основания лингвопрагматики, стилистику и социальную лингвистику, лингвистическую антропологию, теорию контекстуализации, культурологию, социологию и этнометодологию.

Развитие теории речевых жанров в последнюю треть двадцатого века не было, конечно, свободно от общего состояния лингвистической (шире — филологической) науки и более активного развития отдельных ее направлений. Собственно, взаимодействуя с новым направлением науки, ТРЖ каждый раз раскрывалась в новых своих аспектах и гранях. Периодически появлялись работы, посвященные новым, не рассматривавшимся ранее аспектам речевых жанров, у ТРЖ усматривали новые объяснительные возможности (ср. исследования последних лет: [Кравченко 2003; Маркова 2003; Горошко, Саенко 2005; Слышкин 2005; Степанов 2005; Алефиренко 2007]). В целом такие явления свидетельствуют о здоровье науки: актуальности и динамичном развитии, хотя, к сожалению, названные попытки далеко не всегда приносили понастоящему убедительные результаты и не всегда сопровождались понастоящему адекватным осмыслением сущностной природы взаимодействующих в данном случае научных дисциплин, их индивидуальных объясняющих возможностей и специфики.

Известно, что нечто подобное (десятилетием-двумя раньше и, пожалуй, в более явном виде) произошло с теорией речевых актов, прагматикой, прагмалингвистикой.

Становление прагмалингвистики прошло под знаком трепетной надежды лингвистов на то, что эта новая, максимально приближенная к «живой

жизни» языка внешнелингвистическая дисциплина наконец-то сдернет завесу тайны с многих давних «тайников» языка и речи. Так, по мнению И.П. Сусова, интегративное толкование предмета прагматики делает понятие семиотики, делящейся, согласно Ч. Пирсу и Ч. Моррису, на синтактику, семантику и прагматику, вообще излишним, поскольку «абстрактная, или теоретическая, прагматика нередко претендует на универсальный характер, стремясь показать возможность применения формального аппарата к прагматической интерпретации естественных языков, в частности логики действия и математической теории игр» [Сусов 1983: 6-9]. Тогда задача-максимум прагмалингвистики состоит в том, чтобы изучать соотношение типов дискурса и типов личности, задача-минимум – построение типологии языковых личностей [Сусов 1989: 15]. Объясняющие потенции прагмалингвистики были использованы чрезвычайно разносторонне и широко – тоже гораздо шире, чем это предполагалось в то время, когда основные положения теории речевых актов еще только начинали разрабатываться: со временем ТРА становится действительно наиболее разработанной и точной методикой анализа речи, ее методика и терминология доводятся до отточенности, филигранности – и... ТРА начинает вырождаться. На смену универсализму приходит атомизм, схематизм без учета психологического состояния каждого из коммуникантов, крен в сторону одного иллокутивного компонента речевого акта по сравнению с локутивным и перлокутивным, господство формальной логики и как следствие потеря собственно текста, реального говорящего, реального общения – все это привело прагматику, как писала Т.Г. Винокур [Винокур 1993а: 20-21], к определенному кризису, когда в центре внимания оказались модели и прагмалингвистика перестала соответствовать своему назначению – быть наиболее личностно-ориентированной и наиболее связанной с действительностью внешнелингвистической дисциплиной.

В случае ТРЖ, впрочем, мы имеем несколько другое: по-видимому, настоящей «потери реальной речи» все же не произошло, однако энтузиазм, присущий первым исследователям, постепенно схлынул, ибо реальные результаты оказались все же скромней, чем это представлялось лет 15-20 назад.

Если попытаться охарактеризовать развитие теории речевых жанров после выхода статьи М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров» в наиболее общем виде, можно сказать, что, во-первых, теория речевых жанров очень значительно менялась вместе с общей научной парадигмой в лингвистике, однако практически при каждой новой научной парадигме ТРЖ была востребована.

Во-вторых, постоянно способствовала развитию каждого из новых направлений лингвистической науки и ТРЖ сама по себе, и выделение понятия речевого жанра (или сходных с ним речевых явлений) в качестве базовой единицы / одной из базовых единиц данной теоретической концепции.

Это верно уже по отношению к зарождающейся в двадцатые годы концепции М.М. Бахтина (книга Бахтина / Волошинова «Марксизм и философия языка») и складывавшейся в те годы научной парадигме в лингвистике. Обычно концепцию РЖ Бахтина по ее пафосу и месту в советской и мировой

лингвистике двадцатых годов определяют как «антиструктуралистскую» (и в этом смысле как бы преждевременную и поэтому не востребованную современниками в настоящем виде). Касается это и гораздо более четко разработанной в собственно лингвистической терминологии концепции речевого жанра Бахтина начала 50-х годов (статья «Проблема речевых жанров»). В это время общий пафос научной деятельности Бахтина был во многом направлен против «виноградовского структурализма»: общий формально-структурный крен в лингвистической науке уже совершенно очевидно стал фактором, активно препятствующим настоящему осмыслению настоящего положения дел.

В то же время высказывания Бахтина о «виноградовской лингвистике» (и системно-структурной лингвистике в целом) этого периода уже гораздо более сдержанны, чем, например, работы Бахтина / Волошинова двадцатых годов: в статье «Проблема речевых жанров», по мнению В.М. Алпатова, очевиден отход от максимализма «волошиновского цикла», где язык в сосюрском смысле рассматривался как фикция, ограничено полезная в целях обучения языка, а идеологичность приписывалась любым языковым явлениям [Алпатов 2005: 313]. Уже в самом начале статьи «Проблема речевых жанров» мы читаем: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности» [Бахтин 1996: 159]. Из этой цитаты видно, что язык по М.М. Бахтину – не абстракция: использоваться может что-то реально существующее. Ср. также: «Язык, как система, обладает, конечно, богатым арсеналом языковых средств – лексических, морфологических и синтаксических – для выражения эмоционально-оценивающей позиции говорящего» [Бахтин 1996: 188]. Очевидно, что язык понимается здесь в традиционном смысле, уточненном Ф. де Соссюром.

Выделив «абстрактный объективизм» и «субъективный идеализм» в лингвистической науке, Бахтин теперь определяет сущность и место РЖ следующим образом: (а) РЖ объективно есть, как и язык; (б) как и язык, РЖ могут изучаться либо с позиций абстрактного объективизма, либо с позиций субъективного идеализма – хотя, конечно, «субъективный идеализм» всегда был ближе Бахтину.

В конце 1970-х, когда в СССР выходит первая книга Бахтина «без маски» со статьей «Проблема речевых жанров», изучение речи в лингвистической научной парадигме в целом определялось: (а) советской / зарубежной коллоквиалистикой / методикой конверсационного анализа (для советской школы изучения разговорной речи этого периода, в частности, серии коллективных монографий «Русская разговорная речь» (Москва), характерен поиск особой речевой системности, отличной от языковой); (б) теорией речевых актов: как и лингвистика на Западе, российская лингвистика в это время успешно использует положения и методику прагматики и теории речевых актов Дж. Остина – Дж. Серля. В «постструктуралистской» лингвистике становится актуальным рассмотрение человеческого фактора в языке, компонентов коммуникативной ситуации и дискурса. В то же время эти внешелингвистические исследования осуществляются с опорой на глубокое осмысление еди-

ниц и системных отношений, или значимостей, языка, присущее предшествующей – системно-структурной – научной парадигме.

Прежде всего через призму данных теорий тогда и была встречена концепция речевого жанра М.М. Бахтина: первые попытки ее практического использования отмечены значительным сближением ее положений именно с коллоквиалистикой и теорией речевых актов – тем более что для лингвистики речи этого времени характерна, с одной стороны, общая прагматикализация научного аппарата, с другой – поиск базовой единицы, в формальном и особенно содержательном отношении превосходящей предложение / речевой акт (поиск ведется на пересечении общей теории коммуникации, коллоквиалистики, стилистики, прагматики, лингвистики текста). В получившей широкую известность статье А. Вежбицкой «Речевые жанры» [1997 (первая публикация – в 1983 г. на польском языке)] отразилось именно это состояние лингвистики речи.

Отмеченные особенности в полной мере присущи и последующим этапам развития теории речевых жанров.

Так, к концу 80-х – началу 90-х положения ТРЖ подвергаются дальнейшей прагматикализации, методика теории речевых актов (отсюда – формальной логики) в жанроведческих исследованиях этого времени (генристике) господствует, в результате ТРЖ с неизбежностью становятся присущи все названные выше недостатки ТРА.

Примерно в это же время (в некоторых положениях – значительно раньше) концепция РЖ была востребована в функциональной стилистике, идущей, как известно, от В.В. Виноградова (см. в следующей главе о «функционально-стилистическом жанроведении»). (Данный факт, кстати, доказывает, что идея РЖ сама по себе совсем не была антивиноградовской.)

К середине – концу 90-х годов, вместе с общей семантизацией и «когнитивизмом» лингвистических концепций в российской и мировой лингвистике, исследования по речевым жанрам тоже становятся все более семантическими и «когнитивными», на первый план выходит содержательная сторона речевого жанра, а само понятие «жанр» в значительной степени взаимодействует и пересекается с понятием «концепт». Показательно, что РЖ вновь становится (в другом смысле) базовой единицей (а) когнитивного анализа дискурса, (b) изучения коммуникативной компетенции и (коммуникативных) концептов, (c) национально-культурной (языковой и коммуникативной) картины мира, (d) портретирования языковой личности и (e) лингвокультурных типажей.

Дальнейшая семантизация научного аппарата лингвистики ознаменовалась, с одной стороны, усилением внимания к содержательной стороне языковых единиц, с другой – вовлечением в лингвистический обиход содержательных явлений сложной природы, которые раньше не подвергались систематическому изучению в лингвистике (манипуляция, (полиинтенциональный) намек, ирония и др. аспекты непрямого общения). При лингвистическом изучении данных явлений вновь – в несколько другом виде – оказываются востребованными объясняющие потенции речевжанровой модели.

2. Определения дискурса. *Языковой и речевой аспекты изучения дискурса. Дискурс и текст. Дискурс и речь, дискурс и коммуникация. Дискурс и предложение, дискурс и высказывание. Дискурс и языковая личность.*

Размышляя о сущности языка, современные лингвисты пришли к выводу о том, что множество языковых характеристик можно свести к признакам языкового сознания и коммуникативного поведения. В первом случае нас интересует то, каким образом посредством языка человек интерпретирует действительность, как осуществляется категоризация мира, эти проблемы составляют суть когнитивной лингвистики. Во втором случае мы обращаем внимание на ситуацию общения, на то, каким образом происходит взаимовлияние людей в процессе коммуникации, эти проблемы рассматриваются в рамках коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики и теории дискурса. Эти направления науки о языке, сориентированной на выявление характеристик коммуникативного поведения, во многом пересекаются. Их специфика состоит, главным образом, в тех теориях и концепциях, которые были разработаны для изучения коммуникативной практики. Например, специалисты в области коммуникативной лингвистики интересуются принципами общения, условиями успешности коммуникации, характеристиками участников общения, ученые, исследующие проблемы прагмалингвистики, обращают внимание на компоненты коммуникативной ситуации, на соотношение явного и скрытого смыслов, на коммуникативные интенции и стратегии общения, на структуру речевых актов, лингвисты, рассматривающие проблемы дискурса, обсуждают соотношение текста и дискурса, анализируют проявления интертекстуальности, изучают специфику дискурсивного поведения в обычном общении и в рамках различных социальных институтов.

Понятие «дискурс» широко используется в современной лингвистике (обзоры различных подходов к изучению дискурса приводятся в следующих работах: Демьянков, 1982, 2005; Степанов, 1995; Slembrouck, 1998; Кубрякова, 2000; Чернявская, 2001; Макаров, 2003; Карасик, 2004; Trappes-Lomax, 2004).

П.Серио выделяет восемь значений термина "дискурс": 1) эквивалент понятия "речь" (по Ф.Соссюру), т.е. любое конкретное высказывание, 2) единицу, по размерам превосходящую фразу, 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания, 4) беседу как основной тип высказывания, 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позицию (по Э.Бенвенисту), 6) употребление единиц языка, их речевую актуализацию, 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например, феминистский дискурс, 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста (Серио, 1999, с.26-27).

В.Г.Костомаров и Н.Д.Бурвикова противопоставляют дискурсию (процесс развертывания текста в сознании получателя информации) и дискурс (результат восприятия текста, когда воспринимаемый смысл совпадает с за-

мыслом отправителя текста) (Костомаров, Бурвикова, 1999, с.10). Такое понимание соответствует логико-философской традиции, согласно которой противопоставляются дискурсивное и интуитивное знания, т.е. знания, полученные в результате рассуждения и в результате озарения.

Суммируя различные понимания дискурса, М.Л.Макаров показывает основные координаты, с помощью которых определяется дискурс: формальная, функциональная, ситуативная интерпретации. Формальная интерпретация — это понимание дискурса как образования выше уровня предложения. Речь идет о сверхфразовом единстве, сложном синтаксическом целом, выражаемом как абзац или кортеж реплик в диалоге, на первый план здесь выдвигается система коннекторов, обеспечивающая целостность этого образования. Функциональная интерпретация в самом широком понимании — это понимание дискурса как использования (употребления) языка, т.е. речи во всех ее разновидностях. Компромиссным (более узким) вариантом функционального понимания дискурса является установление корреляции "текст и предложение" — "дискурс и высказывание", т.е. понимание дискурса как целостной совокупности функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. Такая трактовка дискурса встраивается в противопоставление дискурса как процесса и текста как продукта речи либо текста как виртуальной абстрактной сущности и дискурса как актуализации этой сущности (отметим принципиальное единство в понимании дискурса как динамического промежуточного речевого образования в отличие от полярно различных трактовок текста — от предельно абстрактного конструкта до предельно конкретной материальной данности). Контекст как признак дискурса акцентирует внимание исследователей на противопоставлении того, что сказано, и того, что имелось в виду (локуции и иллокуции), а отсюда — на ситуации общения. Ситуативная интерпретация дискурса — это учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, т.е. поле прагмалингвистического исследования. Закономерно поэтому обращение к дискурсу со стороны многих ученых, разрабатывающих теорию речевых актов, логическую прагматику общения, конверсационный анализ, анализ диалога, лингвистический анализ текста, критический анализ дискурса, проблемы социолингвистики и этнографии коммуникации, когнитивной лингвистики и психолингвистики (Макаров, 1998, с.68–75).

Заслуживает внимания выделение двух типов исследований, посвященных дискурсу, — когнитивно-дискурсивных и коммуникативно-дискурсивных (Данилова, 2001, с.46). Такое противопоставление подходов к дискурсу сводится к известному различию между семантикой и прагматикой знака. Семантика дискурса в таком понимании может трактоваться как совокупность интенций и пропозициональных установок в общении, а прагматика дискурса — как способы выражения соответствующих интенций и установок. В таком случае множественные связи дискурса с другими явлениями, включая связи определенного типа дискурса с другими типами дискурса, представляют собой его синтактику (связь знака с другими знаками). В современной лингвистике в этом смысле обычно используется понятие "интертекстуальность". В

известной мере противопоставление между планом интенций и планом их выражения соответствует противопоставлению между внутренним и внешним аспектами деятельности, или между собственно деятельностью и поведением.

В.Е.Чернявская (2001), обобщив различные понимания дискурса в отечественном и зарубежном языкознании, сводит их к двум основным типам: 1) "конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве", и 2) "совокупность тематически соотнесенных текстов" (Чернявская, 2001, с.14, 16). Эти явления, как можно видеть, подводятся под понятия "дискурс" и "тип дискурса", что в традиционной лингвистике соответствует противопоставлению аллофона и фонемы, алломорфа и морфемы и т.д. Данное противопоставление созвучно выделению текста и сверхтекста, текста и текстотипа. Тип дискурса, как и сверхтекст, – это обобщенное представление о тексте, концепт текста в сознании носителей соответствующей культуры. В этой связи представляется обоснованным выделение в структуре дискурса как когнитивного образования трех компонентов, соответствующих 1) обобщенной модели референтной ситуации, 2) репрезентациям знаний о социальном контексте, с учетом которого осуществляется социальное взаимодействие посредством текстов, 3) лингвистическим знаниям (нарративным схемам построения текста и семантико-синтаксическим структурам) (Руберт, 2001, с.31). Эти стороны дискурса соотносимы с образно-понятийным и поведенческим аспектами языкового знания (поведенческий аспект включает, как предлагает считать цитируемый автор, экстралингвистическую и формально-лингвистическую составляющие). Такая схема соотносима и с типами пресуппозиций, выделяемыми в прагмалингвистике: пресуппозиции о мире, нормах поведения и употреблении языка.

Ситуативное (точнее, культурно-ситуативное) понимание дискурса раскрывается в "Лингвистическом энциклопедическом словаре", где дискурс определяется как "связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, "погруженная в жизнь". Поэтому термин "дискурс", в отличие от термина "текст", не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно" (Арутюнова 1990, с. 136–137). Соглашаясь с тем, что между языком и речью должно быть опосредующее звено, В.Я.Мыркин предлагает считать таким звеном три различных образования: языковую (или речевую) норму, индивидуальный язык (идиолект), дискурс (или текст) в отвлечении от личности говорящего и контекста (ситуации); в таком прочтении дискурс толкуется как искусственный аналог подлинной речи, например, сконструированное предложение (Мыркин, 1994, с. 7, 19). Исследователь из Архангельска предлагает оригинальную

концепцию языка как объекта лингвистического исследования, включающую язык-устройство (психонейрофизиологический механизм порождения речи), речь (духовную деятельность человека), родной язык (конкретный язык того или иного этноса, народа), дискурс (изъятое из естественного контекста высказывание), язык-таксономия — упорядоченное описание языка-устройства (Мыркин, 1994, с.88). Очевидно, что рассматриваемая схема должна быть дополнена текстовой координатой измерения — от речи как духовной деятельности человека в ее тотальности до конкретного речевого действия, именно на этой оси измерения мы приходим к выделению культурно-ситуативного речевого образования, именуемого во многих работах "дискурс", хотя следует отметить, что этот термин является не самым удачным обозначением концептуализируемой сущности и вызывает споры даже из-за того, на какой слог в этом слове падает ударение.

Дискурс является центральным моментом человеческой жизни "в языке", того, что Б.М.Гаспаров (1996) называет языковым существованием: "Всякий акт употребления языка — будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге — представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан". К этим обстоятельствам относятся: 1) коммуникативные намерения автора; 2) взаимоотношения автора и адресатов; 3) всевозможные "обстоятельства", значимые и случайные; 4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано, в частности; 5) жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается; 6) множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия (Гаспаров, 1996, с.10). Человеческий опыт органически включает этнокультурные модели поведения, которые реализуются осознанно и бессознательно, находят многообразное выражение в речи и кристаллизуются в значении и внутренней форме содержательных единиц языка.

Анализ дискурса — междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке лингвистики, социологии, психологии, этнографии, семиотического направления литературоведения, стилистики и философии. Анализ дискурса осуществляется с различных позиций, но всех исследователей дискурса объединяют следующие основные посылки:

1) статическая модель языка является слишком простой и не соответствует его природе;

2) динамическая модель языка должна основываться на коммуникации, т.е. совместной деятельности людей, которые пытаются выразить свои чувства, обменяться идеями и опытом или повлиять друг на друга;

3) общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте;

4) центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения;

5) коммуникация включает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии;

6) текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главными из которых являются порождение и интерпретация текста.

Дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в "сухом остатке" общения, с другой стороны. С позиций лингвофилософии дискурс — это конкретизация речи в различных модулях человеческого существования, поэтому правомерно, например, выделение делового (утилитарного) и игрового регистров дискурса; назначение первого — ориентировать человека в реальном мире; здесь важны цель и истина для адекватного представления образа реальности и полезного, эффективного действия в ней; назначение второго — освобождение человека от детерминизма природы и себе подобных, речевое лицедейство, опрокидывание устоявшихся стереотипов восприятия и поведения. В таком понимании игровой дискурс — это пространство творческого порождения и восприятия художественных произведений. Противопоставление регулярного (социально-коллективного) и сингулярного (индивидуально-личностного) начал в речи является одной из языковых антиномий и терминологически фиксируется как рекурсивная и дискурсивная рефлексия (Борботько, 1998, с.15). Существенным, на наш взгляд, является противопоставление личностно-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса. В первом случае в общении участвуют коммуниканты, хорошо знающие друг друга, раскрывающие друг другу свой внутренний мир, во втором случае общение сводится к диалогу представителей той или иной социальной группы. Личностный (персональный) дискурс представлен двумя основными разновидностями — бытовой (обиходный) и бытийный дискурс. Специфика бытового дискурса состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращенный код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и поэтому актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего. Бытийный дискурс предназначен для нахождения и переживания существенных смыслов, здесь речь идет не об очевидных вещах, а о художественном и философском постижении мира. Особенности художественного текста изучены весьма основательно, хотя его дискурсивные характеристики еще предстоит осветить. Лингвистический анализ философского дискурса, включая наивно-философский опыт, теологические, психологические и собственно философские толкования, представляется перспективной задачей, которая успешно решается в границах концептуальной лингвокультурологии. Статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, т.е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных

институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития (Карасик, 1998, с.190–191).

С позиций лингвистики речи дискурс — это процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи, отсюда внимание к степени спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора для других людей. Моделируя разговорную речь, О.Б.Сиротинина противопоставляет 1) тексты, отвечающие всем признакам текстовой структуры (в качестве примера приводится рассказ, который неоднократно повторяется рассказчиком), 2) оборванные тексты, характеризующиеся незаконченностью, тематической аморфностью, 3) текстоиды (по И.А.Стернину), которые не имеют строгого членения на части, принципиально не завершены, более спонтанны, чем другие виды текстов, рассчитаны на активного слушателя, тематически разъяты (темы возникают по ходу реализации текста), 4) разговоры (по Н.А.Купиной), в которых развитие темы прослеживается с трудом, а прямая диалогичность, т.е. мена ролей говорящего и слушающего, является обязательной, 5) дискурсы, являющиеся нетекстовой реализацией разговорной речи и отличающиеся нечеткостью деления на части, господством ассоциативных связей, полной спонтанностью и непонятностью для посторонних (Сиротинина, 1994, с.122). Помимо структурных характеристик дискурс имеет тонально-жанровые измерения. Говоря о тональности дискурса, мы имеем в виду такие параметры, как серьезность либо несерьезность, обиходность либо ритуальность, стремление к унисону либо конфликту, сокращение либо увеличение дистанции общения, открытое (прямое) либо завуалированное (косвенное) выражение интенций, направленность на информативное либо фатическое общение. Эти параметры взаимосвязаны. В.В.Дементьев строит типологию жанров фатического общения при помощи двух осей координат, соответствующих параметрам степени косвенности и регулирования межличностных отношений (от унисона до диссонанса), в результате чего выделяются пять основных жанров фатической коммуникации: 1) доброжелательные разговоры по душам, признания, комплименты, 2) прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры, 3) флирт, шутка, 4) ирония, издевка, розыгрыш, 5) праздноречевые жанры (small talk) (Дементьев, 1995, с.55–57). Жанровые характеристики дискурса могут рассматриваться как совокупность признаков, представленных, например, в модели Т.В.Шмелевой: 1) коммуникативная цель, которая дает возможность противопоставить четыре типа речевых жанров (информативные, императивные, этикетные и оценочные), 2) образ автора, 3) образ адресата, 4) образ прошлого, т.е. ретроактивная направленность речевого события, характерная для ответа, отказа, согласия, опровержения, 5) образ будущего как выход на последующий эпизод общения, это приглашение, обещание, прогноз, 6) диктумное (событийное) содержание (набор актантов, их отношения, временная перспектива и оценка диктумного события), 7) языковое воплощение речевого жанра (Шмелева, 1997, с.91–97). Личностные характеристики участников дискурса неизбежно отражаются в типовых моделях его реализации, и в этом смысле ценным является выделение типов

участников дискурса, например, инвективный, куртуазный и рационально-эвристический типы языковых личностей; в основу выделения этих типов положены речевые стратегии конфликтного поведения, в первом случае — прямая вербальная агрессия, во втором — эмоция обиды и тяготение к этикетности, в третьем — здравомыслие и ирония (Седов, 1999, с.57). Понятно, что личностные характеристики коммуникантов представляют собой неразрывное единство индивидуальных, социальных, национально-культурных и общечеловеческих особенностей поведения, вместе с тем специфика осознания, выражения, комбинаторики этих особенностей в определенных ситуациях общения, жанрах речи и типах дискурса остается недостаточно изученной. Нельзя забывать и о динамике смысловых переходов: В.И.Шаховский отмечает, что индивидуальная интерпретация смыслов в диалоге зависит от меняющейся компетенции участников общения, от того, что они думают и чувствуют, осознавая мир и свое место в нем (Шаховский, Сорокин, Томашева, 1998, с. 130).

3. Жанры и типы дискурса. *Устный и письменный дискурс. Персональный и институциональный дискурс. Конституциональные, порождающие, факультативные речевые акты. Классификация речевых жанров. Дискурс и единицы речевого этикета. Прецедентные тексты, их типы.*

С позиций социолингвистики дискурс — это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение. Представляется возможным выделить применительно к современному социуму политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса. Разумеется, приведенный список может быть дополнен либо видоизменен. Важно отметить, что институциональный дискурс исторически изменчив — исчезает общественный институт как особая культурная система и, соответственно, растворяется в близких, смежных видах дискурса свойственный исчезающему институту дискурс как целостный тип общения. Например, в современной России вряд ли можно установить охотничий дискурс. Для определения типа институционального общения необходимо учитывать статусно-ролевые характеристики участников общения (учитель — ученик, врач — пациент, офицер — солдат), цель общения (педагогический дискурс — социализация нового члена общества, политический дискурс — сохранение или перераспределение власти), прототипное место общения (храм, школа, стадион, тюрьма и т.д.). Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Разумеется, любое общение носит многомерный, партитурный характер, и его типы выделяются с известной степенью условности. Полное устранение личностного начала превращает участников институционального общения в

манекенов, вместе с тем существует интуитивно ощущаемая участниками общения граница, выход за которую подрывает основы существования того или иного общественного института. Институциональность носит градуальный характер. Ядром институционального дискурса является общение базовой пары участников коммуникации — учителя и ученика, священника и прихожанина, ученого и его коллеги, журналиста и читателя (слушателя, зрителя). Следует отметить, что центральные концепты, образующие основу общественных институтов, обладают большой генеративной силой в том плане, что вокруг них концентрируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составлять достаточно объемный словарь. Примером может послужить “Кратологический словарь”, представляющий собой тезаурус по политологии, организованный вокруг концепта “власть” (Халипов, 1997).

Институциональный дискурс строится по определенному шаблону, но степень трафаретности различных типов и жанров этого дискурса различна. Дело в том, что в реальной жизни прототипный порядок дискурса часто нарушается. Р.Водак приводит характерный пример медицинского дискурса, в основе которого лежит схема необходимых и достаточных коммуникативных действий, связанных с приемом пациента в одной из клиник Вены: 1) пациента приглашают в кабинет, 2) пациент раздевается и ложится на кушетку, 3) один из присутствующих врачей осматривает пациента, 4) пациент одевается и возвращается в прихожую, 5) врач, который произвел осмотр, диктует результаты своему коллеге, затем они обмениваются мнениями либо врач сам делает записи в рабочем журнале, 6) приглашают следующего пациента. Фактически эта схема очень редко воплощается в жизнь, поскольку попутно в кабинет заходят коллеги, врач отвечает на телефонный звонок, медсестра приносит рентгеновский снимок предыдущего пациента, обнаруживается, что потеряна учетная карта пациента и медсестра отправляется ее искать, электрокардиографический прибор не функционирует, следующий пациент, который записался на определенное время, заглядывает в кабинет и т.д. Все участники общения привыкли к отклонениям и накладкам и реагируют на них нормально (Wodak, 1996, p.55–56). Вероятно, существуют мягкие и жесткие разновидности институционального дискурса, приведенный пример иллюстрирует мягкую разновидность коммуникативного события, структура которого весьма вариативна, но определяющие компоненты этой структуры — осмотр и фиксация осмотра — не могут исчезнуть. Примером жесткой разновидности институционального дискурса являются различные ритуалы — военный парад, защита диссертации, вручение награды, церковная служба. Необходимо отметить, что с позиций социолингвистики, т.е. с учетом того, кто и в каких обстоятельствах принимает участие в общении, можно выделить столько типов дискурса, сколько выделяется типизируемых личностей и соответствующих обстоятельств, например, дискурс театральной репетиции, молодежной дискотеки, психотерапевтической консультации и т.д. В данной работе из множества возможных типов дискурса, выделяемых по со-

циолингвистическим признакам, взяты для рассмотрения типы институционального дискурса.

Базовые социологические характеристики бытового и институционального общения пронизательно схвачены в трудах известного американского социолога Ирвинга Гоффмана, который разработал категориальный аппарат для измерения личности как участника социального действия: 1) благо (good) — желаемые объект или состояние, 2) притязание (claim) — право на обладание, контроль, использование и распоряжение благом, 3) претендент (claimant) — лицо, предъявляющее права на благо, 4) препятствие (impediment) — действие, средства или источники, ставящие притязание под угрозу, 5) контр-претендент (counter-claimant) — лицо, от имени которого исходит угроза притязаниям на то или иное благо, 6) агенты (agents) — индивидуумы, разыгрывающие роли претендента и контр-претендента применительно к притязаниям; 7) фиксированные, ситуативные и эгоцентрические территории индивидуума (например, квартира, скамейка, на которой сидит человек, кошелек в его кармане); 8) ритуальные условные действия, поддерживающие и исправляющие усилия индивида, направленные на достижение блага (supportive and remedial interchanges), 9) знаки связанности (tie-signs) — принадлежность индивидуума определенным коллективам в качестве члена соответствующих групп и связь с другими индивидуумами через социальные отношения (Goffman, 1972, p. 51, 52, 88, 124, 226).

Для анализа дискурса наиболее интересны коммуникативные действия, посредством которых индивидуум стремится осуществить свои права на получение символического блага либо отвести угрозу от своих притязаний на это благо. Например, совершив неодобряемое действие, виновник этого проступка пытается объяснить свое поведение и выбирает следующие линии объяснения: 1) утверждает, что приписываемый ему проступок не имел места, 2) доказывает, что обстоятельства действия радикально отличались от того, что ему ставится в вину, 3) говорит, что он не знал о возможных последствиях поступка, 4) признает вину, но ссылается на непреодолимые обстоятельства, такие как усталость или страсть, 5) соглашается с обвинением и признается, что не задумывался о последствиях. Эти линии объяснения сводятся к трем моделям поведения: полному раскрытию всех обстоятельств случившегося проступка, частичному уменьшению своей вины и заранее заготовленному оправданию. В этой связи речевое действие извинения представляет собой сложное социально-драматургическое образование, главный участник которого как бы распадается на две части: на виновного в совершении проступка и на того, кто осуждает этот проступок, признавая принятые правила поведения. В наиболее полной форме извинение, как отмечает И.Гоффман, включает пять элементов: 1) выражение неудобства и огорчения, 2) понимание того, как надо было себя вести и принятие наказания (отрицательных санкций), 3) словесно выраженное самоосуждение, 4) обещание вести себя впредь хорошо, 5) демонстрация раскаяния и стремления искупить свою вину (Goffman, 1972, p.140–144). Важное место в концепции Э.Гоффмана принадлежит понятию "ключ", "переключение" (key, keying),

которое понимается как серия условных перекодирований той или иной деятельности, имеющей свой смысл в некотором исходном сценарии, но воспринимаемой участниками общения в новом смысле. К числу таких переключений относятся игры (действия "понарошку"), игровые соревнования, церемонии, изменения в оформлении действий (technical redoings), изменения в мотивировках (regroundings) (Goffman, 1974, p.43, 44, 48, 58, 74). Институциональный дискурс в значительной мере может быть прояснен, если исследователь примет в качестве исходной посылки тезис о переосмыслении бытового дискурса в институциональный, поскольку бытовое, обыденное общение является генетически исходным и содержит в свернутой форме особенности общения на статусно-представительском уровне. С позиций обыденного общения многие моменты институционального дискурса кажутся странными, например, символические жесты военного дискурса или ритуальные формулы юридического дискурса, произносимые во время заседания суда, или формульные модели дипломатического этикета.

Переход от бытового дискурса к институциональному связан с определенными трудностями, о которых в свое время писал Б.Бернштейн, разграничивая расширенный и сокращенный коды общения (elaborated and restricted codes). В условиях обыденного общения все коммуниканты хорошо знают друг друга, ведут разговор о конкретных делах и не испытывают необходимости рассуждать о сложных материях либо объяснять близкому человеку очевидные вещи, поэтому разговор ведется при помощи сокращенного кода, который имеет высокую контекстную зависимость. Выходя за рамки обыденного общения, сталкиваясь с незнакомыми людьми, человек вынужден создавать для них необходимую фоновую информацию на основе предположений о том, чего собеседник, вероятно, не знает, и поэтому общение при помощи расширенного кода в меньшей мере зависит от контекста. Люди, относящиеся к среднему классу в традициях современной цивилизации, должны свободно переключать коды в общении. Этому учат школа и университет. Представители недостаточно образованных социальных слоев не владеют приемами общения при помощи расширенного кода, поскольку дома и среди друзей на улице такое общение бессмысленно, и это обстоятельство в известной мере препятствует их самореализации в жизни (Bernstein, 1979, p.164–167).

Контекстная зависимость является величиной, определяющей не только личные и социально-групповые, но и национально-культурные особенности общения. Сравнивая культуры с высокой и низкой контекстной зависимостью, И.Э.Клюканов предлагает параметры эпистемности, акториальности, пространственности и темпоральности в качестве ключевых моментов для определения этнокультурного типа. Эпистемность характеризует коммуникативный универсум с точки зрения отношения культуры к знанию в целом (насколько успешно субъект функционирует в незнакомых ситуациях и насколько он тяготеет к сознательному поиску новой информации), акториальность позволяет описать коммуникативное расстояние между представителями сравниваемых культур (степень зависимости поведения от мнения со-

общества, приоритет сохранения лица как уважения со стороны других либо как самоуважения), пространственность трактуется как приемлемая в обществе степень авторитарности поведения (например, американцы считают русскую культуру более авторитарной, чем свою, это прослеживается в приглашениях, стремлении прийти на помощь и т.д., обратное воспринимается русскими как замкнутость, неискренность, нежелание идти на контакт), темпоральность позволяет охарактеризовать отношение представителей культуры к временному континууму (монохроничность в понимании времени представителями современной западной цивилизации и полихроничность времени в традиционных сообществах, отсюда повышенная чувствительность к точности измерения времени, опозданиям, успеху как опережению, фетишизация скорости и т.д.) (Клюканов, 1999, с.23–26).

Анализируя лингвокультурные основания мышления применительно к западноевропейской и восточноазиатской культурам, Т.Н.Снитко устанавливает фундаментальное различие между ними в виде позиции осваивающего мир человека: познание либо понимание. Культура познания представляет собой противопоставление субъекта и объекта, отсюда закономерны вопросы о природе объекта "Что есть это?" и ответы на эти вопросы в виде понятий, которые и составляют основу культуры. Культура понимания — это погруженность в мир, неразрывная связь человека и окружающего его мира, акцент на связях, а не на противоположностях между мирами, и поэтому закономерен вопрос "Что есть мир для меня?". Западная лингвокультура стремится вербализовать смысл, а восточная — показать его в богатстве его символических связей. Символическая природа иероглифов-понятий обеспечивает им широкие возможности смыслопорождения в культурном пространстве, символ обращен к духовному миру человека как целому, а не только к его разуму (Снитко, 1999, с.16,17,141). Понимание есть осознание себя в контексте, познание — отталкивание от контекста.

Попытка разработать категориальный аппарат для социально-культурного измерения общения предпринята в монографии Р.Ходжа и Г.Кресса "Социальная семиотика", авторы строят модель "логономической системы", представляющей собой набор правил, предписывающих условия для производства и восприятия смыслов, эти условия определяют, кто имеет право устанавливать и получать смыслы, какие темы могут наделяться смыслами, при каких обстоятельствах и в какой модальности это может происходить. Эти правила в наибольшей степени выражены в условностях этикета, законодательстве, производственных отношениях. Логономические правила определяют жанровую специфику дискурса, будь это производственное совещание, газетное интервью или лекция в университете (Hodge, Kress, 1988, р.3–6). Рассматриваемая модель наделяет социальной значимостью широкий круг взаимосвязанных явлений, включающих речь, одежду, пищу, жилище, образ жизни, при этом социальными маркерами могут служить любые переосмысленные предметы или явления. Знание ключей переосмысления является показателем принадлежности индивидуума к определенному институту.

Совершенно иной подход к изучению дискурса требуется при исследовании игрового и суггестивного общения, которые представляют собой не ситуативно обусловленные типы коммуникативного поведения, а особую тональность общения, пронизывающую различные виды персонального и институционального дискурса. Заслуживает внимания исследование, автор которого выносит на суд лингвистической общественности обширный список разновидностей модальной тональности: "официально, серьезно, шутливо, восторженно, дружелюбно, враждебно, саркастически, недоверчиво, безразлично, пессимистически, робко, мечтательно, с грустью, пренебрежительно, надменно, агрессивно, с отвращением, настойчиво, мрачно, удивленно, взволнованно, хвастливо, с тревогой, раздраженно, с обидой, отрешенно, радостно, притворно, задумчиво, решительно, вызывающе, таинственно, грубо, испуганно, вежливо, ласково" (Багдасарян, 2000: 95). Разумеется, можно предъявить автору замечания по поводу того, каковы критерии выделения соответствующих тональных нюансов, в какой мере они различны (например, "робко" и "испуганно"), можно ли считать данный список исчерпывающим, но постановку такой проблемы можно только приветствовать.

Итак, дискурс, понимаемый как текст в ситуации реального общения, допускает различные измерения.

С позиций языкового материала, лексико-грамматической ткани текста, можно анализировать дискурс в аспекте полноты, правильности, логичности высказываний, составляющих рассматриваемый текст, и при таком имманентно-лингвистическом подходе к изучению дискурса исследователь исходит из концепта «правильно построенного дискурса» как идеального типа, с одной стороны, и возможных отклонений от этого типа, с другой стороны, вплоть до таких коммуникативных фрагментов, которые лингвистически проанализировать не представляется возможным. Различие между позициями ученых, разделяющих имманентно-лингвистический подход к дискурсу, состоит в том, что одни исследователи полагают, что в качестве образца правильно построенного текста должен приниматься во внимание письменный литературный текст (Гальперин, 1981), и в таком случае устная речь с ее отклонениями от норм письменного текста рассматривается как маркированное явление, в то время как другие ученые наделяют устную и письменную речь равным статусом, полагая, что существуют как текстотип устной речи и отклонения от этого идеального типа, так и соответствующие корреляты письменной речи (Сиротина, 1996).

С позиций участников общения (социолингвистический подход) все виды дискурса распадаются на личностно- и статусно-ориентированный дискурс. В первом случае участники общения стремятся раскрыть свой внутренний мир адресату и понять адресата как личность во всем многообразии личностных характеристик, во втором случае коммуниканты выступают в качестве представителей той или иной общественной группы, выполняют роль, предписываемую коммуникативной ситуацией. Личностно-ориентированный дискурс проявляется в двух основных сферах общения – бытовой и бытийной, при этом бытовое (обиходное) общение представляет собой генетически

исходный тип дискурса, а бытийное общение выражается в виде художественного, философского, мифологического диалога. Статусно-ориентированный дискурс может носить институциональный и неинституциональный характер, в зависимости от того, какие общественные институты функционируют в социуме в конкретный исторический промежуток времени. Так, например, для современного общества релевантны научный, массово-информационный, политический, религиозный, педагогический, медицинский, военный, юридический, дипломатический, деловой, рекламный, спортивный и другие типы институционального дискурса. Вместе с тем вряд ли можно выделить по тем параметрам, которые являются определяющими для перечисленных типов дискурса, такое образование, как, например, филателистический дискурс. Статусно-ориентированным является и общение незнакомых или малознакомых людей, например, вопросы к незнакомым людям о времени или о местонахождении какого-либо учреждения.

Наряду с имманентно-лингвистическим и социолингвистическим подходами к изучению дискурса можно выделить прагмалингвистический подход, суть которого состоит в освещении способа общения в самом широком смысле. В этом смысле заслуживает внимания понятие "регистр" в трактовке М.Халлидея: разграничивая вариативные характеристики речи, связанные с личностью говорящего (диалект) и используемыми способами и средствами общения (регистр), ученый выделяет в рамках регистра три важнейших измерения: "поле", обстановка общения – *field of activity* (e.g. science, religion, law), "тональность", стиль дискурса – *tenor* - the social role relationships which obtain between the language users in a particular situation (e.g. teacher-pupil, preacher-congregation, parent-child), "модус", канал общения – *medium used* (e.g. written, spoken, spoken-to-be-written, written-to-be-cited) (Halliday, 1978, p.33).

В данной работе в прагмалингвистическом аспекте противопоставляются такие виды общения, как серьезное – несерьезное (игровое, юмористическое), ритуальное – неритуальное, информативное – фасцинативное, фатическое – нефатическое, прямое – не прямое. Необходимо отметить, что определенные характеристики видов дискурса, выделяемых на прагмалингвистическом основании, взаимопересекаются. Неритуальное общение, например, может включать информирование, фасцинативный обмен текстами, фатическую и нефатическую составляющие. На мой взгляд, эти параметры общения представляют собой своеобразные ключи и тональности дискурса, дополняющие и уточняющие те типы дискурса, которые выделяются на социолингвистической основе. Элементы ритуального дискурса наличествуют почти в любом из видов дискурса – и в бытовом (существуют семейные ритуалы), и в институциональном (здесь существует градация: в религиозном дискурсе степень ритуальности очень высока, а в диалоге незнакомых людей о том, как пройти на вокзал, ритуальности почти нет). Проблематично, впрочем, выделение ритуальных текстов в рамках бытийного дискурса, т.е. трудно доказать ритуальность художественного или философского текста. Мы сталкиваемся с игровым дискурсом в обыденном и художественном общении, в оп-

ределенных видах массово-информационного, политического, педагогического общения. Элементы фатического общения прослеживаются в контактоустанавливающих единицах любого дискурса, при этом осложненная фатика специфически проявляется в различных видах институционального дискурса.

Согласно М.М. Бахтину, человеческая речь в типичных ситуациях отличается в готовые формы РЖ, которые «даны нам почти так же, как родной язык» [Бахтин 1996: 181]. Богатство и разнообразие РЖ так же необозримо, как неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности [Там же: 159].

Современная лингвистика опирается на понятие речевого / коммуникативного жанра в качестве одного из наиболее эффективных объясняющих механизмов при изучении ситуаций использования языка, механизмов порождения и интерпретации речи. Теория речевых жанров становится одной из немногих действующих на практике моделей коммуникации, учитывающих такие важнейшие параметры, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления начала и конца речи, передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации. В этом состоит выгодное отличие понятия речевого жанра от единиц языка, осмысляемых «вне» ситуации общения, и от речевых актов, осмысляемых как элементы этой ситуации.

Речежанровый тип системности является наиболее релевантным и при изучении речевой коммуникации: при параметризации реальной речевой коммуникации, выделении ее аспектов и единиц, значений и значимостей, функций и иллокутивно-семантических импликаций модель речевого жанра оказывается наиболее эффективной коммуникативно-лингвистической моделью.

При определенном взгляде на реальную коммуникацию почти все виды обнаруживаемой дискурсивной системности могут быть возведены к жанровым.

В то же время пока нельзя говорить о полностью реализованных потенциалах речежанровой объясняющей модели, например, в современной теории дискурса. Главными препятствиями на пути к «настоящему лингвистическому изучению» жанров стали многообразие жанров и их вариативность. Даже если представить, что кем-то будет составлен полный список РЖ, при любой попытке применить его к речежанровому многообразию на практике такой список будет немедленно сведен на нет громадным числом незначительных и очень значительных отклонений от «стандарта», авторской и «слушательской» непредсказуемостью, личностной окраской и субъективной волей, участием самых разнообразных и тоже непредсказуемых компонентов ситуации общения.

При изучении дискурса выделяются разнообразные параметры (от двух до нескольких десятков), и общая картина пока производит впечатление предельной пестроты и разнородности. «Жанр(ы) речи» могут выделяться в качестве одного из параметров, наряду с другими – как правило, это важный

параметр, но обычно все же не «первый» (по сравнению, например, с собственно Говорящим, Слушающим и Предметом речи в модели К. Бюлера).

Как это часто бывает с теоретическими положениями, претендующими на фундаментальность в рамках данной концепции, и единицами, претендующими на то, чтобы быть базовыми в рамках данной концепции, история осмысления понятия «речевой жанр» ознаменовалась диалектическим единством двух противоположных тенденций – расширительной и сужающей.

Первая тенденция исходит из последовательного расширения границ понятия «речевой жанр» и его конституциональных признаков: сторонники данного подхода подчеркивают сущностное единство жанрового типа системности со всеми другими речевыми (даже языковыми) типами, при этом именно жанровый тип системности признается базовым или гиперонимическим / родовым, что автоматически делает многие (если не все) остальные виды речевой системности (коммуникативный жанр, речевой акт, стиль, фрейм, коммуникативный концепт, тональность, многие отдельные горизонтальные и вертикальные модели организации дискурса) или вторичными / видовыми, или вообще избыточными.

Конечно, признание «речевого жанра» все более широким понятием означает необходимость серьезной внутренней дифференциации и выделения разных типов жанров.

Сужающая тенденция, наоборот, пытается уточнить, конкретизировать понятие «речевой жанр» через ужесточение дефиниции и последовательное отграничение данного явления от более или менее генетически близких смежных явлений: речевого акта, речевых стратегии и тактики и даже коммуникативного жанра, который тоже противопоставляется речевому по ряду признаков, считающихся значимыми в рамках данной модели.

Данная тенденция, особенно активная в девяностые годы прошлого века, складывается из двух разных направлений: во-первых, «речевой жанр» активно отграничивают от всего того, что им не является, одновременно пытаясь определить «критерии жанровости».

Вторым направлением, реализующим сужающую тенденцию в определении РЖ, стало построение иерархии моделей, ранжированных, прежде всего, по объему и степени абстрактности, где «нижний», базовый уровень занимают обычно конкретные речевые произведения, а более высокие уровни – более и менее абстрактные и обширные типы произведений.

Определение ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА: в процессе понимания текста можно рассматривать два случая:

1) Восприятие полученного текста оставляет в сознании невербальный след и/или ведет к перестройке тезауруса знаний адресата. Сам текст при этом “уничтожается” в процессе восприятия.

2) Воспринятый текст (целиком или фрагментарно) остается в сознании адресата и, затем, включается во вновь порождаемые тексты в виде трансформаций или прямых цитат, являясь при этом предметом рефлексии [Мухелишвили, Шрейдер, 1997: 86-87]. Эти сохраняющиеся в сознании тексты и

формируют текстовую концептосферу той или иной культурно-языковой группы.

Подобные тексты обозначаются современной лингвистикой как “прецедентные тексты”. Ю. Н. Караулов, который впервые ввел данный термин в научную практику, называл прецедентными тексты “(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” [Караулов, 1986: 105]. Нам представляется, что при исследовании прецедентных текстов этот термин имеет смысл понимать несколько шире, сняв некоторые ограничения, введенные его автором. Речь идет о пункте относительно количества носителей прецедентных текстов. Во-первых, можно говорить о текстах прецедентных для узкого круга людей (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и т.д.). Во-вторых, существуют тексты становящиеся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестные предшественникам данной языковой личности, но и выходящие из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (например, рекламный ролик, анекдот). Тем не менее, в период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью, а основанные на них реминисценции часто используются в дискурсе этого отрезка времени.

Исходя из определения текста, приведенного в Лингвистическом энциклопедическом словаре [Николаева, 1990], под прецедентным текстом в данной работе будет пониматься характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы. Частые отсылки к тексту в процессе построения новых текстов в виде реминисценций есть показатели ценностного отношения к данному тексту и, следовательно, его прецедентности.

Прецедентный текст всегда формирует концепт, т.е. социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью. Любой текст, формирующий коллективный концепт, является прецедентным по определению. К прецедентным текстам вполне применима приведенная в § 1 классификация. Следует различать микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие прецедентные тексты.

2. Какие бывают прецедентные тексты (механизм их прочтения (аллюзия; целиком или часть; путь “текст → символ”; известны всем носителям языка или части)

“Общеизвестен роман В. Пикуля “У последней черты”. Многие знают, что это название заимствовано из ленинской оценки кризиса царизма. Но мало кто помнит, что вождь наш использовал для своей характеристики название нашумевшего романа М. Арцыбашева “Последняя черта”, романа, который вызвал яростные споры и даже был предметом судебного разбирательства” [Поляков, 1994: 402]. Идеологическому влиянию подвержен не только

состав прецедентных текстов. Меняться может и отношение к способу их функционирования в дискурсе. Например, процесс общей демократизации литературы в 1860-70-х годах нашел отражение в широком распространении использования пословиц и крылатых выражений в качестве заглавий художественных произведений. До этого заглавия-пословицы считались уместными лишь в драматических произведениях [Кожина, 1986: 19]. В Советской Грузии наблюдалось учащение цитирования молитв и других религиозных текстов в тостах, являющихся для грузинской культуры одним из наиболее значимых жанров. Исследователи связывают этот факт с интеллектуальным сопротивлением режиму и стремлением к укреплению собственной системы ценностей [Kotthoff, 1995]. В фашистской Германии был распространен обычай давать новорожденным имена, ассоциировавшиеся с “Песней о Нибелунгах” [Клемперер, 1998: 155]. Л. Н. Синельникова отмечает, что в современных риторических текстах по большей части отвергается прямое цитирование, ему предпочитается игра с цитатой, что вызвано негативным отношением к недавней цитатомании [Синельникова, 1996: 13].

Потребности идеологического характера могут повлечь за собой даже изменения самого авторского текста в процессе получения им статуса прецедентности и превращения его в концепт, что произошло, например, с фразой К. Маркса “Религия есть опиум народа”, которая в массовом сознании видоизменилась в “Религия есть опиум для народа”, несмотря на то, что такая формулировка совершенно искажает мысль автора.

Языковой состав национального корпуса прецедентных текстов зависит от существующей в данном социуме языковой ситуации. Например, для современной России характерен монолингвизм, поэтому прецедентными для современной отечественной культуры становятся тексты либо созданные на русском языке, либо переведенные на него. Иной была ситуация в дореволюционной России, где бытовал связанный с религиозным фактором билингвизм. Как отмечает В.И. Супрун, в языковое сознание русского православного человека входили не только заимствованные литературным языком церковнославянизмы, но и целый набор текстов на церковнославянском языке. “Их состав, объем и понимание зависели от степени воцерковления носителя языка, уровня его образования, собственно лингвистических параметров языкового сознания (языковое чутье, языковая догадка, способность к усвоению языка, врожденная грамотность и т.п.). [...] В значительной степени эти тексты воспринимались как факты родного языка, особенно краткие молитвы, почти не содержащие единиц, нуждающихся в переводе” [Супрун, 1998: 6-7].

Реминисценции, основанные на апелляции к концептам прецедентных текстов, должны отвечать следующим условиям:

- 1) осознанность адресантом факта совершаемой им реминисценции на определенный текст;
- 2) знакомство адресата с исходным текстом и его способность распознать отсылку к этому тексту;
- 3) наличие у адресанта прагматической пресуппозиции знания адресатом данного текста.

Иными словами, прибегая к концепту прецедентного текста, отправитель речи осознает это сам и рассчитывает на то, что это будет понято получателем речи, что и происходит в действительности. Ниже мы продемонстрируем на примерах случаи нарушения вышеперечисленных условий.

Героиня рассказа А. Аверченко актриса Ирина Рязанцева, сама того не замечая, реагирует на любую жизненную ситуацию фразами и монологами из сыгранных ею ролей, чем вызывает крайнее раздражение у своего возлюбленного.

(5) - Я тебя не обвиняю... Никогда я не связывала, не насиловала свободы любимого мною человека... Но я вижу далеко, далеко... Нет! Ближе... Со всем близко я вижу выход: сладкую, рвущую все цепи, благодетельницу смерть...

- Замолчи!.. Кашалотов, “Погребенные заживо”, второй акт, сцена Базаровского с Ольгой Петровной. Верно?

- Ты хочешь меня обидеть? Хорошо. Мучай меня, унижай, унижай сейчас, но об одном только молю тебя: когда я уйду с тем, кто позовет меня по настоящему, - сохрани обо мне светлую, весеннюю память.

- Не светлую, - хладнокровно поправил я [...], - а “лучезарную”. Неужели ты забыла четвертый акт “Птиц небесных”, седьмое явление?

[...] Она обратила на меня глаза, полные слез, и сказала только одно тихое слово:

- Уходишь?

- Слушай! - сказал я, укоризненно глядя на нее. - Прекратится ли когда-нибудь это безобразие?.. Вот ты сказала одно лишь слово - всего лишь одно маленькое слово, и это не твое слово, и не ты его говоришь.

- А кто же его говорит? - испуганно прошептала она, инстинктивно оглядываясь.

- Это слово говорит графиня Добровольская (“Гнилой век”, пьеса Абрашкина из великосветской жизни в четырех актах...). Та самая Добровольская, которую бросает негодяй князь Обдорский и которая бросает ему вслед одно только щемящее слово: “Уходишь?” Вот кто это говорит!

- Неужели? - прошептала сбитая с толку Ирина, смотря на меня во все глаза [Аверченко].

При нарушении первого условия, т.е. если адресант, используя в своей речи элементы ранее усвоенных текстов, делает это неосознанно, мы имеем дело не с прецедентным текстом, а с речевым стереотипом. У отправителя речи в подобных случаях отсутствует интенция использования ранее усвоенного текста для достижения своих коммуникативных целей. В цепи ассоциаций “ситуация □ ранее усвоенный текст □ вербальная реакция на ситуацию” отсутствует второй элемент, а, следовательно, мы не можем говорить об эмоциональной или иной ценностной значимости исходного текста для коммуниканта. К этой же группе будут относиться все случаи использования слов и выражений, первоначально связанных с прецедентными текстами, но затем в результате частого употребления получивших статус самостоятельных единиц языка. Таковыми прежде всего являются имена собственные, чье пере-

носное значение было конвенционализировано, превратив их таким образом в нарицательные. Как отмечает А.Д. Шмелев, далеко не всем носителям русского языка, употребляющим слова хам или ловелас, известны носители соответствующих имен - библейский персонаж и герой романа С. Ричардсона, что не препятствует адекватному использованию ими этих лексем. На полпути к нарицательности находятся также имена Иуда, Плюшкин, Манилов, Янус, Гамлет, Отелло и т.п. [Шмелев, 1997: 75]. Аналогичным образом многие фразы из популярных произведений приобретают устойчивость и становятся привычными фразеологическими метафорами, полностью утратив ассоциативную связь с текстовым источником. Например, выражение рыльце в пушку имеет своим источником басню И.А. Крылова "Лисица и сурок"; выражение отрезанный ломоть - редуцировалось из пословицы Отрезанный ломоть к караваю не приставишь [ФРР]. Фраза Короче, Склифосовский!, прочно вошедшая в современное арго [см.: Елистратов, 1995], не всегда связывается в сознании носителей языка с фильмом Л.И. Гайдая "Кавказская пленница". Интересным представляется происхождение фразеологизма петля Лазаря. Это выражение также связано с прецедентным текстом, но не является цитатным. Духовный стих "Лазарь бедный", основанный в свою очередь на библейском сюжете, был известен на Руси как любимая песня бродячих нищих [ФРР]. Отсюда употребление этого фразеологизма в значении "стремиться разжалобить, имея в виду какую-либо выгоду". Прецедентным здесь было не столько содержание текста, сколько исполнение его членами определенной социальной группы. С исчезновением данной группы текст перестал быть прецедентным, а выражение петля Лазаря, утратив связь с текстовым источником, превратилось в обычный фразеологизм.

Необходимо отметить, что наряду с процессом потери концептом текста ассоциативной связи с некоторыми знаковыми единицами, может наблюдаться обратный ему процесс обогащения концепта, когда в сознании носителей языка возникает связь между концептом определенного текста и какой-либо фразой или выражением, не являющимся в действительности частью этого текста. Так, например, В.Г. Гак отмечает случаи, когда Библии приписываются высказывания, которых в ней нет, что свидетельствует о значительном престиже этого текста:

(6) Мне кажется, что ныне, в условиях возникновения двух новых государств, старая библейская истина - мертвый хватает живого - как нельзя более актуальна [Пример В.Г. Гака из "Независимой газеты"].

Выражение Мертвый хватает живого не имеет к Библии отношения, восходя на самом деле к французской юридической максиме семнадцатого века [Гак, 1998: 743]. Е.Ю. Куницына, анализируя шекспиризмы, констатирует, что при составлении фразеологических словарей языковая личность Шекспира оказывает большое влияние на лексикографов, заставляя их приписывать ему создание тех фразеологизмов, которые были лишь популяризированы в текстах его пьес [Куницына, 1998: 10-11]. Разумеется, подобные случаи не являются широко распространенными, однако они служат еще одним свидетельством того, что прецедентные тексты формируют культурные

концепты, характеризующиеся потенциальной способностью терять связь с одними знаковыми единицами и притягивать к себе другие.

Упоминанием мы будем называть апелляцию к концепту прецедентного текста путем прямого (т.е. нетрансформированного) воспроизведения языковой единицы, являющейся именем данного концепта. Такой единицей обычно служит заглавие произведения.

(11) - В нашем районе нет ни одной английской школы, представляешь, кошмар!

- Миш, а тебе не кажется, что мы зажрались? Ну не будет знать английский, человеком бы вырос.

- Раньше интеллигенция без окна в мир была немыслима. Почитай “Войну и мир”. Целые главы на французском! [Садиев].

В примере (11) коммуникант в персуазивных целях апеллирует к концепту ‘Война и мир’ путем упоминания названия текста. Возможно говорящий не уверен, что адресат знаком с самим текстом романа или хорошо помнит его (отсюда - Почитай “Войну и мир”). Однако у него есть пресуппозиция наличия у адресата общего представления о произведении “Война и мир”, его авторе, знания того, насколько авторитетным является этот текст в культуре, т.е. существования в сознании адресата концепта, который будет актуализован словосочетанием “Война и мир”.

Аллюзия - наиболее трудноопределимый и емкий вид текстовой реминисценции, что явствует уже из этимологии этого термина (от фр. allusion - намек). Прием аллюзии состоит в соотнесении предмета общения с ситуацией или событием, описанным в определенном тексте, без упоминания этого текста и без воспроизведения значительной его части, т.е. на содержательном уровне. Например, персонаж романа Булгакова “Мастер и Маргарита” поэт Рюхин, глядя на памятник Пушкину, размышляет:

(16) [...] Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие.

Эти слова являются аллюзией на стихотворение В.В. Маяковского “Юбилейное”:

(17) Сукин сын Дантес!

Великосветский шкода.

Мы б его спросили:

- А кто ваши родители?

Чем вы занимались

до семнадцатого года? -

Только этого Дантеса бы и видели.

Какого-либо формального сходства между (16) и (17) обнаружить невозможно, ни одна лексема не совпадает. Сходство имеется лишь на содержательном уровне. Рюхин, как и Маяковский, обращается к памятнику Пушкину. В обоих отрывках Дантес характеризуется при помощи политических штампов 20-х и 30-х годов, приравнивающих его к так называемым “чуждым элементам”: в (17) - А кто ваши родители? Чем вы занимались до семнадцатого года?, в (16) - белогвардеец. Вся эта аллюзия является частью другой ал-

люзии, более обширной и не сугубо текстовой, которая соотносит персонажа Рюхина с историческим лицом - Маяковским, используя подробности биографии последнего.

В рамках аллюзии может встречаться некая языковая отсылка, воспроизведение какой-либо части исходного текста, но лишь незначительной. Причем отсылка эта будет выступать как вторичное средство по отношению к смысловому сходству. Например, в романе У. Эко “Имя розы” отношения между средневековым монахом-сыщиком и молодым послушником, от лица которого ведется повествование, в сочетании с именами этих персонажей (Вильгельм Баскервильский и Адсон), являются аллюзией на героев А. Конан Дойла Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Однако, будучи переброшены в содержательно иной текст, эти имена вряд ли бы вызвали у читателя ассоциации Адсон □ Ватсон и Вильгельм Баскервильский □ “Собака Баскервилей” □ Шерлок Холмс. В качестве превалирующих в аллюзии всегда выступают содержательные, а не языковые ассоциации.

Сюда же можно дать крылатые ситуации Прозорова:

В разговорной речи вспоминаются и такие многочисленные крылатые ситуации, когда вербальный компонент перифразируется, экономно сокращается и активно при этом подразумевается. Например: “Обманули тебя, как Буратино, с этой дачей, с полем твоим чудесным! Я бы эту Алиску!!” и т. п. (сложная и грустная по своим внезапным последствиям житейская ситуация, связанная с хитрым, вероломным надувательством и одурачиванием простодушного человека).

Большая часть крылатых слов и выражений бытует исключительно в их вербальном воплощении, входя в обширный фразеологический и пословично-поговорочный речевой фонд. Специального внимания заслуживают также крылатые выражения, которые на практике почти непременно требуют органичного сочетания вербальных и невербальных факторов. Причем невербальные элементы являются их активной составляющей. Использование в разных ситуациях таких крылатых выражений требует дополнительного (и далеко не всегда факультативного) жестикуляционно-мимического сопровождения. Сопровождение при этом становится не только естественной частью коммуникативного акта, но и превращается в знак, заключая в себе составную долю невербализованного смысла крылатого выражения.

Например, крылатое выражение “остаться у разбитого корыта”, восходящее к пушкинской “Сказке о рыбаке и рыбке”, зачастую сопровождается невольным жестом недоуменной растерянности и досады. Особой мимической акцентировкой и характерной жестикуляцией в определенных ситуативных контекстах дополняются крылатые выражения “Раззудись, плечо! Размахнись, рука!” (из стихотворения Кольцова “Косарь”), “Сыр выпал...” (из басни Крылова “Ворона и Лисица”), “Видит око, да зуб неймёт” (из басни Крылова “Лисица и виноград”), “Александр Македонский, конечно, герой, но зачем же стулья ломать?”, “немая сцена” (из комедии Гоголя “Ревизор”) и др. При упоминании в шутливом разговоре о бравом солдате Швейке почти произвольно могут взять под козырек. Демонстрируя (в том числе мимикой и

жестами) свою близорукость или какие-то другие дефекты зрения, вспоминают крыловскую мартышку, что “к старости слаба глазами стала”.

В каждом конкретном случае инициатор коммуникативного акта уместно дополняет вербальный текст крылатого выражения соответствующими позами, мимикой и жестами, долженствующими придать большую экспрессивную выразительность своим умозаключениям. Речевая выраженность ролевого поведения партнеров при этом становится еще более экономной.

Отдельный рой примеров — крылатые слова и выражения в устах взрослого, эмоционально общающегося с детьми. Скупые вербализованные, эти выражения, непосредственно адресованные ребенку, могут превратиться в забавные игровые сценки-догонялки, (у)страшилки, прятки и т. п.

Бабушка — трехлетнему внуку: “Ну, Заяц, погоди!” И принимается имитировать бег на месте. Или брат-подросток — своей “прилипчивой” пятилетней сестренке (с шутливой угрозой): “Слышишь, отстань сейчас же, а то я как съем тебя, Красная Шапочка!” (сопровождает свои слова соответствующими комически-устрашающими жестами).

Можно зафиксировать и почти полную замену крылато-речевых знаков общения невербальными.

К примеру, бодро взявшись за руки и подавшись корпусами резко вперед, без всякого словесного аккомпанеента шутливо и комически снижено изображают крылатую, исполненную монументально-романтической символики скульптуру В.И. Мухиной “Рабочий и колхозница” и т. п.

Особенно примечательна распространенная в мире взрослых ситуация на пороге, когда идущие в одном и том же направлении приостанавливаются у дверей и стремятся пропустить друг друга вперед. Сама по себе эта ситуация (микросценарий бытового поведения) восходит к известному эпизоду из второй главы поэмы Гоголя “Мертвые души”, когда Манилов и Чичиков стояли “несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперед.

— Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после, — говорил Чичиков.

— Нет, Павел Иванович, нет, вы гость, — говорил Манилов, показывая ему рукою на дверь.

— Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь. Пожалуйста, проходите, — говорил Чичиков.

— Нет уж извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю.

— Почему же образованному?.. Пожалуйста, проходите.

— Ну да уж извольте проходить вы.

— Да отчего ж?

— Ну да уж оттого! — сказал с приятною улыбкою Манилов.

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга”.

Эта комическая сцена не породила, пожалуй, никаких специальных крылатых слов и выражений, но зато сделала крылатой саму ситуацию общения

у дверей. Причем, партнеры по дружелюбной окологороговой коммуникации очень часто уже и не помнят толком, откуда взялась сама эта знаковая ситуация.

Сталкиваясь в дверях, тут же непроизвольно и шутливо включаясь в игру, с подчеркнуто-избыточной и настойчивой вежливостью, жестами приглашая друг друга пройти вперед, часто вовсе не сопровождают эту сцену каким бы то ни было словесным комментарием, связанным с литературным происхождением этой ситуации. А в тех случаях, когда комментарий этот следует и партнеры вступают в непосредственный речевой контакт, обнаруживается непредсказуемо-большой разброс интерпретаций. Это скорее весьма приблизительные и путаные по своей результативности попытки припомнить первоисточник ситуации, ее происхождение:

— Мы с вами как Чичиков с Собакевичем!

— Как, помнишь, у Гоголя, как их звали, Собакевич с Маниловым...

— Совсем как Добчинский с Бобчинским!

— Мы это, как в “Мертвых душах” что ли?

— Как там, у Пушкина... или нет, у Гоголя?!

— Как эти, (с улыбкой) в дверях...

— Прямо как с “Легким паром”: Ипполит с Мягковым в дверях друг друга, помнишь, дразнят? “Уж проходите!” — “Да нет, я уж как-нибудь после вас” — “Да что вы, я никуда не тороплюсь” А Барбара Брыльска им: “Прекратите кривляться!” Это Рязанов у Гоголя, кажется, взял или у Чехова?!

— Прошу! — Только после вас! — Нет-нет, вы вперед, а я за вами! — Ну, нет, не бывать по-вашему!

— Проходите, пожалуйста! — Что вы, что вы! Я не тороплюсь никуда!

— Торопитесь или не торопитесь, но я после вас только. — Да нет же... И т. д.

В любом варианте отношения между субъектами данной коммуникативной ситуации отмечены искренним или мнимым взаимным расположением и приязнью, благожелательностью и некоторой долей подчеркнутой манерности и фамильярности.

Развернутый пример подобной комической ситуации содержится в мемуарах А.И. Райкина, который вспоминал, как пригласил его однажды к себе в гости на дачу в Переделкино К.И. Чуковский. Разыгралась смешная сцена на пороге дома:

“— Вы гость. Идите первым, — сказал Чуковский.

— Только после вас.

— Идите первым.

— Не смею.

— Идите первым.

— Ни за что!

— Ну, это, знаете ли, просто банально. Нечто подобное уже описано в литературе. Кстати, вы не помните кем?

— А вы что же, меня проверяете?

— Помилуйте. Зачем мне вас проверять? Просто я сам не помню.

— Ну, Гоголем описано. В “Мертвых душах”.

— Гоголем, стало быть? Неужели? Это вы, стало быть, эрудицию свою хотите показать? Нашли перед кем похвалиться. Идите первым.

— Ни за какие коврижки!” (и т. д.)

Сцена развивалась стремительно, оба истово, азартно, наперебой, коленапоклоненно умоляли друг друга войти в дом первым. Наконец, Чуковский дал понять Райкину, что проиграл:

“— Всё правильно. Я действительно старше вас вдвое. А потому <...>

И вдруг как рявкнет:

— Идите первым!

— Хорошо, — махнул я рукой. И вошел в дом. <...>

— Давно бы так, — удовлетворенно приговаривал Чуковский, следуя за мной. — Давно бы так. Стоило столько препираться-то!

На сей раз это уж был финал. Не ложный, а настоящий.

Так я думал. Но ошибся опять.

— Всё-таки на вашем месте я бы уступил дорогу старику, — сказал Корней Иванович, потирая руки”.

Здесь уже затейливая игра на грани с эпатажем. Знаменательно, что в воспроизведенном диалоге нет ни единого восходящего к Гоголю выражения, за исключением разве этикетом подсказанной и нейтральной с точки зрения “крылатости” первой фразы “Вы гость”. Оживает, однако, воссозданная классиком крылатая ситуация, которая служит подходящим предлогом для нескончаемого каскада прихотливых импровизаций. Импровизации завершаются внезапно-анекдотическим финальным аккордом.

3. Классификация: общие принципы

мы считаем возможным предложить классификации концептов прецедентных текстов по следующим основаниям:

а) по носителям прецедентности;

б) по тексту-источнику;

в) по инициатору усвоения;

г) по степени опосредованности.

3а. Классификация: источники (откуда появились прецедентные тексты)

Классификация, предложенная Е.Г. Ростовской. Ею были выделены следующие пять классов текстов, прецедентных для современной русской культуры:

1. Тексты, возникшие на русской культурной почве: фольклорные произведения, авторские тексты, анекдоты, лозунги и т.п.

2. Инокультурные и иноязычные знаменитые тексты, переведенные на русский язык, а также тексты на иностранных языках (чаще всего на латыни, реже - на французском и английском).

3. Русские тексты, возникшие на основе иностранных. Такие тексты являются результатом межкультурного диалога, поскольку они не переносились в русскую культуру механически, а интерпретировались в ней. К этому

же классу относятся русские тексты, основанные на материале общеизвестных фактов зарубежной истории и культуры.

4. Фольклорные и авторские тексты, возникшие на основе международных “бродячих” сюжетов (прежде всего сказки).

5. Тексты, возникшие на основе общечеловеческих прецедентных текстов [Ростова, 1993].

Л.А. Шестак на материале образных употреблений в языке прессы конца 80-х - начала 90-х гг. говорит о трех группах прецедентных текстов, которыми оперирует русская языковая личность периода перестройки: 1) отвергаемые лозунги октябрьской революции и социализма; 2) широкое чтение; 3) золотой фонд мировой литературы, т.е. классика [Шестак, 1996: 117]. Е.А. Земская, исследуя цитацию в заголовках современных газет, выделяет следующие разновидности прецедентных текстов, включаемых в заголовки: 1) стихотворные строки; 2) прозаические цитаты; 3) строки из известных песен; 4) названия художественных произведений; 5) названия отечественных и зарубежных кинофильмов; 6) пословицы, поговорки и крылатые выражения; 7) ходячие выражения эпохи социализма; 7) перифразы Священного Писания; 8) “интеллигентские игры” (тексты на иностранных языках, или тексты, ориентированные на иностранные цитаты, или тексты, записанные латиницей) [Земская, 1996: 159-167]. Проведенный нами анализ фольклорных смеховых произведений русской культуры позволяет выделить в качестве основных несколько иные жанровые группы прецедентных текстов: 1) политические плакаты, лозунги и афоризмы (как социалистической, так и постсоциалистической эпохи); 2) произведения классиков марксизма-ленинизма и руководителей советского государства; 3) исторические афоризмы; 4) классические и близкие к классическим произведения русской и зарубежной литературы, включая Библию; 5) сказки и детские стихи; 6) рекламные тексты; 7) анекдоты; 8) пословицы, загадки, считалки; 9) советские песни; 10) зарубежные песни (служат объектом того, что Е.А. Земская назвала “интеллигентскими играми”). Количество выделяемых групп и их специфика зависят как от материала, так и от исследовательских целей. Для исследования концептов прецедентных текстов подобная классификация применяться может, поскольку знание о жанровой принадлежности, как правило, входит в текстовый концепт, причем в его актуальный слой.

По мнению Ю.Н. Караулова, состав отечественного корпуса прецедентных текстов формируется в основном из авторских и фольклорных произведений, русской, советской и мировой классики [Караулов, 1986: 106]. Количественное соотношение различных видов прецедентных текстов в современной русской культуре будет рассмотрено в следующем параграфе, пока же мы считаем целесообразным отметить, что согласно материалам нашего исследования прецедентность отнюдь не является прерогативой художественных произведений.

(18) - Таким вот образом, Наина Киевна! [...] Надо нашего нового сотрудника устроить на две ночи. Позвольте вам представить... м-м-м...

- А не надо, - сказала старуха, пристально меня рассматривая. - Сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот тридцать восьмой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казенном доме, а бояться тебе, бриллиантовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый... [Стругацкий, Стругацкий].

Данный пример, будучи отрывком из смехового произведения, направлен на создание комического эффекта путем столкновения двух являющихся социально контрастными текстовых концептов: во-первых, анкеты, во-вторых, гадания. Первый концепт основан на конкретном тексте - всеобщей анкетной анкете советских времен, и от читателя ожидается знание этого текста, умение распознать в словах мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет реакции на определенные анкетные графы. Без этого шутка останется невоспринятой. Текст анкеты является объектом пародирования, что, как мы продемонстрируем в следующем параграфе, есть признак прецедентности. Неудивительно, что текст анкеты стал прецедентным именно в советском обществе, где высокий уровень бюрократии сочетался с жестко культивировавшимся единообразием применяемой деловой документации, заставляя индивида в течение жизни регулярно сталкиваться с одним и тем же анкетным текстом. В США, например, где каждый штат и каждая фирма могут иметь различные анкетные образцы, такое явление едва ли возможно. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в современной России, утратившей былую централизованность. Поэтому в дальнейшем мы будем исходить из того, что любой текст может приобрести статус прецедентности при наличии благоприятствующих тому особенностей языкового коллектива. Пример (18) дает нам возможность обратиться к еще одному феномену, принадлежащему к текстовой концептосфере. Если прошлое героя старуха описывает при помощи прецедентного текста анкеты, то, обращаясь к его будущему, она использует языковые средства, в которых носитель русской культуры однозначно распознает цыганское гадание. Апеллируя к концепту 'анкета', автор стремится спровоцировать воспроизведение в сознании читателей конкретного, ранее ими воспринятого текста. Апелляция же к концепту 'гадание' направлена на актуализацию не какого-то определенного текста, а знакомого адресатам традиционного плана текстовой композиции. Тексты, в основе которых лежит определенный целостный композиционный план (е.g. "сказание", "последние известия", "рассказ", "инструкция"), Х. Изенберг определяет как "построенные" ("имеющие внутреннее строение") тексты и противопоставляет им "непостроенные" ("не имеющие внутреннего строения") тексты ("komponierende - nicht komponierende Texte") [Изенберг, 1978: 47-51]. Композиционные структуры построенных текстов, которые знакомы членам той или иной культурной группы и обладают для них ценностной значимостью, мы будем обозначать как "прецедентные жанры".

(19) Мы пьем чай в старых квартирах,

Ждем лета в старых квартирах...

В старых квартирах, где есть свет,

Газ, телефон, горячая вода,
Радиоточка, пол-паркет,
Санузел отдельный, дом кирпичный,
Одна семья, две семьи, три семьи,
Много подсобных помещений,
Первый, последний не предлагать,
Рядом с метро, центр... [Цой].

Пример (19) демонстрирует апелляцию к прецедентному жанру “объявление”. Легко узнаваемая композиционная структура этого жанра делает возможным плавное перетекание оригинального авторского текста в общеизвестный текст объявления. Прецедентные жанры, как и прецедентные тексты, служат основой для формирования лингвокультурных концептов и являются единицами существующей в сознании носителей языка текстовой концептосферы. Так, в примере (19) автор, представитель молодежной субкультуры 80-х годов, прибегает к концепту ‘объявление’ как к символу ценностных установок и ориентаций “старшего поколения”, неприемлемых, для представляемой им возрастной группы.

3б. Классификация: по инициатору усвоения

В обществе потребление индивидами любого вида продуктов может быть либо добровольным, либо принудительным. Это касается и рецепции текстов. Текстовое насилие - одна из имманентных черт современной культуры. “Можно без преувеличения сказать, что мы живем в море текстов, одни из которых воздействуют на нас специально, предупреждают: “Не ходите по путям”, “Ток высокого напряжения”; увещевают, призывают (выполним, встретим, отметим); другие - воздействуют самим фактом своего существования (как тексты нецензурного содержания, которые энтузиасты пишут на незанятых городских поверхностях). Их безымянные авторы являются как бы вечными дидактами, а мы - их невольными учениками” [Рыклин, 1992: 97]. Исходя из способа усвоения, следует различать концепты добровольно и принудительно усвоенных прецедентных текстов.

Субъектами, осуществляющими текстовое насилие (это словосочетание употребляется нами как термин, означающий усвоение текста при отсутствии у адресата самостоятельно сформировавшейся интенции ознакомления с текстом, и не подразумевает отрицательной коннотации), могут быть как индивиды, так и общественные институты. Методы индивидуального текстового насилия (надпись на заборе, громко включенная песня и т.п.) не являются, как правило, эффективными настолько, чтобы способствовать обретению текстом статуса прецедентности для большой группы носителей языка.

Институциональное текстовое насилие осуществляется двумя основными способами: во-первых, директивным методом, во-вторых, методом паразитической дополнителности. Директивный способ заключается в том, что усвоение определенных текстов членами социума предписывается властными институтами. Директивный способ текстового насилия всегда вербализуется в форме легитимных для данного общества документов. Наиболее рас-

пространенной формой осуществления данного способа в современном обществе является школьная программа.

Школа, с ее функциональной направленностью на социализацию ребенка, является именно тем институтом, в котором закладываются (или должны закладываться) основы культурной грамотности, т.е. фоновых знаний, необходимых для успешной коммуникации в пределах данной культуры. Школьная программа формирует весьма существенную, если не основную, часть национального корпуса прецедентных текстов, составляющего один из базовых элементов культурной грамотности. «Ретрансляция официальной литературной антологии является одной из важнейших социальных функций школы. Закрепленный школой набор писательских имен и отобранных текстов для многих является исходной и, в сущности, конечной точкой познания литературы» [Добренко, 1997: 142]. Тот факт, что произведения, входящие в школьную программу, являются одним из наиболее важных источников текстовых реминисценций, отмечается в ряде исследований [см., например: Дядечко, 1988: 6].

Все богатство приемов и стратегий педагогического дискурса призвано служить созданию стройной всеобъемлющей системы культурных концептов (т.е. того, что философские науки называют мировоззрением), отвечающей идеологическим и социальным запросам данного общества. Поэтому, не ограничиваясь простой выработкой и закреплением корпуса прецедентных текстов, советская школа преуспевала также в содержательном формировании концептов отдельных прецедентных текстов в сознании носителей языка, используя для этого подробный интерпретационный разбор произведений в рамках урочной и внеурочной деятельности, эмфатизацию отдельных их аспектов и игнорирование других, заучивание ряда отрывков наизусть и т. д. Тот факт, что навязываемый методом директивного насилия текст есть уже не столько авторское произведение, сколько результат сотворчества писателя и властных институтов - при ведущей роли последних - вполне осознается карнавальным миром.

(1) Ворона с куском сыра сидит на дереве. Мимо идет пьяная лиса и врежется в это дерево головой. Ворона сыр роняет, и лиса с ним убегает. Ворона ошалело смотрит ей вслед:

- Ну и ну! Надо же, как басню сократили...

Примечательно, что для демонстрации того, насколько пассивным и податливым материалом оказывается классический авторский текст в руках образовательных институций (персонажи произведения ориентированы на то, что любые изменения в сюжете, в принципе, возможны, но лишь при наличии соответствующей директивы), карнавальным сознанием выбран именно прецедентный текст «Ворона и лисица». Именно этот текст стал объектом одного из наиболее известных в отечественной культуре пародийных произведений, спровоцированных тенденцией к осмеянию текстового насилия. Мы имеем в виду мультипликационный фильм «Пластилиновая ворона», в котором, по точному замечанию Т.В. Чередниченко, «травестируется не просто известная басня, но самый принцип дидактической аллегии» [Чередничен-

ко, 1993: 62]. Директивный метод навязывания текстов стремится к интерпретации любого текста в духе басни с четко и однозначно выраженной моралью. Текст басни Крылова являлся предметом изучения в третьем классе советской школы и был одним из первых изучаемых классических произведений. Концепт ‘Ворона и лисица’, основанный на дидактическом произведении, становится в карнавальном сознании носителей русской культуры олицетворением директивного текстового насилия с его стремлением превратить в дидактический любой попавший в сферу его действия текст.

Неизбежным следствием директивной подачи текста является формализация требуемого от реципиента текстового знания, что также осознается носителями культуры и подвергается карнавальному осмеянию:

(2) Идет экзамен по литературе. Вопрос:

Что смешалось в доме Облонских?

а) все

б) ничего.

Зв. Классификация: по степени опосредованности восприятия

С точки зрения степени опосредованности восприятия текста могут быть выделены три основные группы концептов прецедентных текстов. Культурная группа может строить свой текстовый концепт на основании:

1) непосредственного восприятия исходного текста;

2) заимствования уже существующего у какой-либо другой группы (реже - индивида) текстового концепта, репродуцируемого молвой;

3) восприятия реинтерпретации исходного текста в рамках иного жанра.

Даже не знакомым с шекспировским текстом носителям современной культуры примерно известно, кто такие Ромео и Джульетта, какие между ними были отношения и к чему эти отношения привели. Известно им также, что произведение “Ромео и Джульетта” обладает статусом шедевра. Источником знания являются текстовые реминисценции, фигурирующие в речи окружающих. Таким образом, вместо формирования концепта происходит его заимствование у другой культурной группы (чаще всего у предыдущего поколения). В случае, если позднее индивид знакомится с текстом-источником, его реакция на последний может либо совпасть, либо вступить в противоречие с уже существующим в его сознании концептом данного текста.

(9) 10-13 января 1847 г. читал я Шекспира в подлиннике. И что ж? Когда я знал Данте, Шекспира, Гете и др. по слухам, из третьих рук, я, подобно многим, поклонялся им, как кумирам, мерцавшим в неведомом сумраке. Теперь, когда один из этих знаменитостей явился ко мне лицом к лицу, когда многое в нем изучил я насквозь, теперь вполне убедился я, что это не боги, а простые смертные. Много думал я получить от него, но такого при спокойном, беспристрастном изучении оказалось очень и очень немного... Да, беспристрастное чтение в подлиннике Данте, Шекспира, Кальдерона, Гете, Вальтер Скотта есть смертный удар слепому пристрастию к ним, возбужденному несколькими восторженными говорунами... [“Заметки” о прочитанном...].

В примере (9) оценка индивидом ряда прецедентных для его культурной группы текстов при непосредственном знакомстве с ними вступает в противоречие с уже имеющимися в его сознании концептами данных текстов. Характерно, что, хотя автор отрывка (9) вполне осознает это противоречие, он не может указать на конкретный источник сформировавшихся у него ошибочных оценочных пресуппозиций в отношении этих текстов (по слухам, из третьих рук; пристрастие, возбужденное несколькими восторженными говорунами), поскольку конкретного источника в виде авторского текста или высказывания в подобных случаях нет. Источником служит множество воспринятых индивидом в процессе общения высказываний, содержащих эксплицитную или имплицитную оценку данных текстов. Это множество высказываний близко к такому понятию, как “молва”.

Молва - феномен, долгое время остававшийся вне сферы внимания лингвистики и лишь сравнительно недавно ставший феноменом филологического анализа

4. Функции прецедентных текстов:

Номинативная функция

Номинативная функция языковых единиц состоит в назывании и вычленении фрагментов действительности и формировании понятий о них [Телия, 1998: 336].

(2) Изнуренков [...] натянул брюки на свои полные, как у Чичикова, ноги [Ильф, Петров].

Персуазивная функция

Прецедентный текст, как правило, - текст, обладающий определенным культурным авторитетом и вызывающий к себе уважение (иногда поклонение) у носителей языка. Этим обуславливается возможность использования прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения, т.е. апелляция к текстовому концепту в персуазивной функции.

(17) - Лев Толстой, - сказал Коля дрожащим голосом, - тоже не ел мяса.

- Да-а, - ответила Лиза, икая от слез, - граф ел спаржу.

- Спаржа не мясо.

- А когда он писал “Войну и мир”, он ел мясо! Ел, ел, ел! И когда “Анну Каренину” писал - лопал, лопал, лопал! [...].

- А когда “Крейцерову сонату” писал, тогда тоже лопал? - ядовито спросил Коля.

- “Крейцера соната” маленькая. Попробовал бы он написать “Войну и мир”, сидя на вегетарианских сосисках! [Ильф, Петров].

В данном примере аспектом прецедентности, к которому апеллируют участники общения, являются обстоятельства создания текстов.

Парольная функция

Противопоставление “свои” и “чужие” пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного мироощущения [Степанов, 1997: 472]. Всякая культурная группа стремится выработать свою

систему идентифицирующих признаков, позволяющих отличать “своих” от “чужих”.

Использование парольного потенциала концепта прецедентного текста характерно для заведомо манипулятивных жанров, таких как политическое выступление или реклама. Например, в рекламном ролике одного из лекарственных средств, аптекарь, только что вручившая посетительнице рекламируемое лекарство, рекомендует ей на прощание скорей идти домой, чтобы не опоздать на “Санта-Барбару”. По замыслу авторов перлокутивным эффектом данного высказывания, очевидно, должна была стать такая последовательность силлогических рассуждений:

1) “Санта-Барбара” - то, что нужно человеку.

Аптекарь рекомендует “Санта-Барбару”.

Аптекарь знает, что нужно человеку.

2) Аптекарь знает, что нужно человеку.

Аптекарь рекомендует данное лекарство.

Данное лекарство - то, что нужно человеку.

Тот факт, что концепт сериала “Санта-Барбара” обладает в сознании носителей русской культуры высоким ценностным статусом, близким к фетишу, и что апелляция к нему в виде простого упоминания способна воздействовать на зрительские массы, является для авторов данной рекламы прагматической пресуппозицией.

Людическая функция

Игра - один из древнейших видов человеческой деятельности. Игровой момент неустраним из речи и связан с тем, что для носителя языка важна не только выражаемая мысль, но и способ ее выражения. Обогащение речи такими текстовыми реминисценциями как прямая цитация и квазицитация - вид языковой игры. “Цитаты из художественных произведений, популярных песен, широко известные изречения афористического типа и т.п. используются как средство экспрессии, переводя речь говорящего в шутивную тональность. Как правило, цитаты при этом выступают в расширительном переносном значении, создавая двуплановость сообщения (цитата - фон, на который проецируется актуальное сообщение)” [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983: 204]. При апелляции к концепту прецедентного текста с помощью цитаты людическая функция практически неотделима от номинативной. В каждом конкретном случае можно говорить лишь о преобладании одной из этих функций.

Текстовая концептосфера занимает большое место в тезаурусе языковой личности. Реминисценции, основанные на ее единицах, регулярно используются в процессе общения для достижения различных целей. Рассмотрим пример коммуникативной ситуации, насыщенной обращениями к концептам прецедентных текстов:

- Дневник ты дашь мне, - подытожила Роза Анатольевна. - [...] Совсем охамели... Недаром журналисты в газетах охают: “Что за поколение! Откуда такие нищие духом?”

- Кто-кто? - спросил глупый Карасев.

- Ты, Карась, хотя бы “Тома Сойера” прочитал, - сказала Светка Бутакова. - Даже там про это есть. “Блаженны нищие духом, ибо они...” Помнишь, Том Сойер молитву для школы не мог выучить? Такой же тупой, как некоторые...

- Совершенно верно, - Классная Роза благосклонно взглянула на Бутакову. - Именно в убогом обществе насилия и наживы сильным мира выгодно, чтобы больше людей выростали нищими духом. То есть с убогим умом, не умеющие самостоятельно мыслить... Потому-то Иисус Христос и обещал таким людям царствие небесное... Это написано еще в Ветхом завете, в Евангелии...

- Евангелие - это Новый завет, - вдруг отчетливо сказал Ямщиков. - А у выражения “блаженны нищие духом” там совсем другой смысл. Оно означает: “Счастливы те, кто стал нищим, отказался от богатства и наживы по велению своего духа”...

Классная Роза растерянно мигнула, но отозвалась ехидно:

- Да? Любопытная трактовочка.

- Это он “Мастера и Маргариты” начитался, - произнесла томная Симакова и потрогала сережки. - Там Иисус Христос положительный персонаж.

- В “Мастере” об этом не написано. Лучше почитай статью в двухтомнике “Мифы народов мира”. Широкое издание для массового читателя, - в голосе Веньки прозвучала несвойственная ему язвительность. - Также помогает от нищеты духа.

- Не знаю, что там в двухтомнике, - сухо сказала Роза Анатольевна, - а твои высказывания, Ямщиков, отдают... Еще в давние времена хитрые идеологи разных мастей пытались доказать, что...

Она запнулась, подбирая формулировку, а Егора дернуло за язык. Ну, совершенно неожиданно!

- Ии ты, Ямщиков, с такими взглядами надеешься попасть в девятый класс? - возгласил он так похоже на Классную Розу, что все грохнуло. Роза онемела. А когда ржание поутихло, она печально произнесла:

- Докатались. Ямщиков и Петров в одной упряжке. С чего бы это?

- А я тоже люблю библейские тексты. Вы тут на Редактора нажали, я и вспомнил: “Плохо, если человек один. Недоброе это дело и суета сует. Когда упадет, кто поднимет его?” Это из “Экклезиаста”, глава такая [Крапивин].

Рассмотрим краткую схему общения между семью коммуникантами: Р. А. - Роза Анатольевна/Классная Роза, К. - Карасев, С. Б. - Светка Бутакова, В. Я. - Венька Ямщиков/Редактор, С. - Симакова, Е. П. - Егор Петров, Кл. - класс.

Р.А. в ответ на противоречащее ее установкам поведение Кл. обращается к авторитетному концепту ‘газета’, цитируя в ходе этого обращения библейскую прецедентную фразу о “нищих духом”. К., не обладающий необходимой культурной компетенцией, не распознает цитату и, следовательно, не понимает смысла сообщения. Для С.Б. цитата “нищие духом” ассоциируется

не с концептом 'Библия', а с концептом 'Приключения Тома Сойера'. В ее сознании происходит корреляция данного концепта с прививаемой школой системой ценностей и с нынешней коммуникативной ситуацией: то, что задано, нужно учить; Том Сойер не мог выучить заданный отрывок о "нищих духом" □ Том Сойер глуп; К. также не знает отрывка о "нищих духом" □ К. глуп как Том Сойер. Такая цепь ассоциаций получает одобрение Р.А., продолжающей обращение к концепту 'Библия', источником которого в ее сознании является явно не сам текст Библии, а идеологизированные вторичники. Ее концепт 'Библия' вступает в противоречие с концептом 'Библия' В.Я.. В.Я., во-первых, обращает внимание на фактические ошибки Р.А. ("Евангелие - это Новый завет"), а во-вторых, приводит другую интерпретацию фразы о "нищих духом". Разумно игнорируя первую часть высказывания В.Я., указывающую на ее информационную некомпетентность относительно данного концепта и, следовательно, угрожающую ее авторитету у Кл., Р.А. стремится сосредоточить общее внимание на второй части этого высказывания и заклеить концепт 'Библия' В.Я. как "идеологически чуждый". Поддерживающая ее С. апеллирует к концепту 'Мастер и Маргарита'. Ассоциативная цепь, приведшая ее к этому концепту, такова: Библия □ Иисус Христос □ "Мастер и Маргарита". В исторический момент, в который протекала коммуникация, роман М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита" еще не являлся официально признанной классикой (иначе упоминание романа в сочетании с глаголом "начитался" было бы неприемлемо в школьных стенах). В массовом сознании в концепт 'Мастер и Маргарита' входил признак некоторой неполной легальности, диссидентства. Слова "Мастера и Маргариты" начитался в данной ситуации по авторской интенции сродни фразе Больно умный. Неожиданное вступление в общение Е.П., пародирующего прецедентное высказывание Р.А. по поводу девятого класса, полностью уничтожает эффект идеологических сентенций Р.А. в глазах Кл., сопоставляя их со стандартной школьной угрозой и осуществляя таким образом то, что М.М. Бахтин называл снижением, то есть "переводом всего высокого, духовного, идеального, отвлеченного в материально-телесный план" [Бахтин, 1965: 25]. Свой неожиданный поступок Е.П. мотивирует, вновь цитатно обращаясь к концепту 'Библия'.

Данный пример наглядно демонстрирует многообразие апелляций к текстовой концептосфере в дискурсе. Участники коммуникации обращаются к общечеловеческим текстовым концептам ('Библия'), межнациональным ('Приключения Тома Сойера'), национальным ('Мастер и Маргарита'), прецедентным текстам данного школьного класса (очевидно, не раз повторявшаяся фраза классной руководительницы "И ты надеешься попасть в девятый класс?"). Налицо также апелляции к концептам, не имеющим своей основой конкретных прецедентных текстов, но также относящимся к текстовой концептосфере. Таковым является концепт 'газета'. Словами "Лучше почитай статью в двухтомнике "Мифы народов мира". Широкое издание для массового читателя" В.Я. обращается к авторитетному для советской культуры концепту 'печатное слово': то, что официально издано в виде двухтомного

справочника не может содержать ложной информации. К данному моменту авторитетность этого концепта существенно ослабла.

4. Порождение и понимание дискурса. Уровни и этапы интерпретации дискурса. Предметный, психологический, концептуальный уровни интерпретации. Имплицитные смыслы в дискурсе. Текстовое, подтекстовое, притекстовое содержания. Интерпретация художественного дискурса.

Коммуникативный подход к изучению текста базируется на анализе коммуникативных обстоятельств как важнейшего смыслообразующего компонента текста. Для изучения ситуации общения необходимо выделить и обосновать категории прагмалингвистики. Основываясь на различных концепциях прагмалингвистики и социалингвистики (Р.Белл, В.Г.Гак, Дж.Серл, И.П.Сусов, Д.Хаймс и др.), мы выделяем такие категории: 1) участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики), 2) условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда), 3) организация общения (мотивы, цели и стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств), 4) способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения). Ю.А.Левицкий (1998, с.79) в качестве одного из параметров текстообразования выдвигает признак "дефицит времени", существенным образом влияющий на специфику устного либо письменного дискурса. С точки зрения статусно-ролевых характеристик участников общения, например, принципиально важно противопоставить личностно-ориентированное и статусно-ориентированное общение и вытекающие отсюда типы личностного и институционального дискурса.

При выделении и рубрикации категорий дискурса мы принимаем во внимание известные семь признаков текстуальности: cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality and intertextuality (De Beaugrande, Dressler, 1981) – когезию, когерентность, интенциональность, приемлемость (здесь – интерпретируемость), информативность, ситуативность и интертекстуальность. Учитывая внешне- и внутритекстовые характеристики речи, мы предлагаем следующую классификацию категорий дискурса: 1) конститутивные, позволяющие отличить текст от нетекста (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность); 2) жанрово-стилистические, характеризующие тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации / компрессии); 3) содержательные (семантико-прагматические), раскрывающие смысл текста (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация); 4) формально-структурные, характеризующие способ организации текста (композиция, членимость, когезия). Каждая из названных является рубрикой для более частных категорий, например, интерпретируемость, проявляющаяся как точность, ясность, глубина, экспликативность/ имплекативность). Психалингвистический подход к дискурсу выдвигает

гает на первый план проблемы порождения и восприятия текста, стадии и способы перекодирования информации, типы текстовой (и, шире, коммуникативной) компетенции, речевых ошибок и т.д.

Конститутивные категории дискурса вытекают из теории коммуникативных постулатов, т.е. принципов успешного общения. Если общение осуществляется нормально, в соответствии с мотивами и интенциями его участников, с правилами общения в данном социуме, то эти характеристики дискурса остаются незамеченными. Они осознаются только в случае коммуникативного сбоя. В составе этих категорий выделяется прежде всего относительная оформленность — наличие сигнала со стороны говорящего и готовность воспринять этот сигнал со стороны слушающего. Здесь следует отметить, что человек, исходящий из коммуникативного постулата рациональности мира, пытается найти разумное объяснение отсутствию сигнала в общении: например, получив письмо в виде чистого листа бумаги, я подумую, что, скорее всего, мой корреспондент по рассеянности вложил в конверт этот белый лист. Сталкиваясь в тексте с купюрами и отточиями либо с зачеркнутыми вариантами текстовых фрагментов, я как читатель буду считать на основании своего опыта, что автор намеренно убрал текст для того, чтобы я попробовал догадаться о некоторой скрытой информации. Великолепный пример такого "нетекста" можно найти в "Жалобной книге" А.П.Чехова. Нарушение текстовой оформленности может иметь место в случае намеренного внешнего кодирования текста (переключение на другой язык, арго, технолект). Сюда же относится проблема фатического общения, целью которого является установление, поддержание и завершение контакта. Фатическая оформленность дискурса — категория многомерная, лишь отчасти относящаяся к его конститутивным характеристикам. Выделение жанров фатического общения (В.В.Дементьев) свидетельствует о высокой информативной насыщенности этого типа дискурса (даже в его прототипном виде "small talk").

Тематическое, стилистическое и структурное единство дискурса является его конститутивным признаком, который осознается в случае дезинтеграции текста. Ведущим признаком в этой триаде мы считаем стилистический, поскольку именно с помощью этого признака некоторый текст может встраиваться в наш коммуникативный опыт и оцениваться как текст либо "нетекст". Существуют особые жанры, в рамках которых говорить о тематическом и структурном единстве текста можно с известными допущениями (например, поток сознания, модернистская лирика).

Относительная смысловая завершенность позволяет выделить текст в некотором сверткесте. Этот признак связан со стилистическим и тематическим единством текста, с одной стороны, и формальной завершенностью, с другой стороны. Следует отметить, что в соответствии с принципом контекстуализации любой текстовый фрагмент стремится к самодостаточности. Поэтому криминалисты, специалисты в области психопатологии и интерпретаторы художественных текстов могут рассматривать недописанное письмо или магнитофонную запись речи человека, находящегося в состоянии аффекта, как текст. Гораздо легче провести границу между текстом и нетекстом,

основываясь на формальной правильности составных частей текста. В рамках грамматики текста продуктивным оказывается противопоставление высказывания, построенного в соответствии с нормами литературной либо разговорной речи, и "изглашения" (М.Я.Блох), нарушающего такие нормы. Изглашение допускает любую интерпретацию и представляет собой нечто промежуточное между нечленораздельным бормотанием, криком, произвольным набором слов, бессмысленных обрывков фраз (это может быть записано как на магнитном носителе, так и на бумаге, но остается изглашением).

Мы можем сказать, что перед нами нетекст, если это речевое произведение не поддается интерпретации, поскольку оно не оформлено, не воспринимается как целостное образование и не выделяется из более крупного сверхтекстового массива.

Жанрово-стилистические категории дискурса позволяют адресату отнести тот или иной текст к определенной сфере общения на основании сложившихся представлений о нормах и правилах общения, об условиях уместности, о типах коммуникативного поведения. Это ориентирующие, а не смыслораскрывающие категории. Центральным моментом для обсуждения сущности этих категорий является тип коммуникативной ситуации. В этой связи заслуживает внимания проблема естественности дискурса: для того, чтобы некоторое общение могло считаться естественным, в сознании коммуникантов должны быть представлены "идеализированные модели оцениваемых дискурсивных событий" (Цурикова, 2002, с.120). Иначе говоря, в нашем сознании существуют концепты определенного дискурса, его типов и жанров.

С позиций отношений между участниками коммуникации наиболее существенным критерием является, на наш взгляд, дистанция, противопоставление личностно-ориентированного и статусно-ориентированного общения. Мы говорим о личностно-ориентированном общении, если нам хорошо известен собеседник, если мы стремимся не только передать некоторую информацию или оказать определенное воздействие на него, но и раскрыть свою душу и попытаться понять внутренний мир адресата. Адресат в таком общении интересуется нас во всей полноте своих характеристик. В случае статусно-ориентированного общения коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей (начальник и подчиненный, клиент, пациент, пассажир, прихожанин, ученик и т.д.). Эти ролевые характеристики, разумеется, неоднородны: роль учителя, например, значительно объемнее роли пациента. Отметим, что вряд ли существуют "чистые" статусные и личностные виды общения. Вместе с тем практика общения свидетельствует о коммуникативной доминанте, именно поэтому продавец в магазине будет скорее всего удивлен, если покупатель будет задавать ему вопросы о смысле жизни. Вероятно, более точным будет понимание коммуникативной дистанции как определенной шкалы между предельно личностно-ориентированным и предельно статусно-ориентированным общением, например, это разговор

по душам или лирическое стихотворение, с одной стороны, и прохождение таможенного контроля, с другой стороны.

Следующий критерий — самовыражение говорящего — позволяет противопоставить художественно-ориентированное и обиходно-ориентированное общение. В первом случае мотивом общения является потребность раскрыть себя:

И, если подлинно поется
И полной грудью, наконец,
Все исчезает – остается
Пространство, звезды и певец!
(О.Мандельштам).

Дифференциация художественно-ориентированного общения может проходить по различным признакам: это языковая игра, различные виды игрового поведения, включая игру в театре, художественная речь, художественная литература во всем многообразии ее жанров. Художественно-ориентированное общение в значительной мере пересекается с личностно-ориентированным общением, поскольку в творчестве происходит наибольшее самораскрытие личности. Мы солидарны с В.Г.Борботько (1998), противопоставляющим дискурсивную и рекурсивную организацию речи, т.е. творческую речь и стандартное использование языка. Обиходно-ориентированное общение направлено на удовлетворение практических потребностей говорящего, оно, представляя собой разновидность действия, перформативно по своей сущности и поэтому стремится к наиболее экономному — стандартному (и в значительной степени клишированному) — выражению. Этот вид речевой коммуникации является дополнением к жесту, невербальному действию, и в данном случае нельзя не согласиться с теми лингвистами, которые считают, что вербальная коммуникация играет вторичную роль в общении (И.Н.Горелов). На наш взгляд, обиходное, бытовое общение содержит в себе все потенциальные разновидности статусно-ориентированного (институционального) общения. Эти разновидности выделяются в соответствии со сложившимися общественными институтами в том или ином социуме в определенный период (суд, армия, учебное заведение и т.д.). Таким образом, в качестве следующего критерия для выделения жанрово-стилистических разновидностей дискурса может быть система общественных институтов социума.

Участники личностного дискурса выступают во всей полноте своих качеств, в отличие от участников институционального дискурса, системообразующим признаком которого является статусная, представительская функция человека. Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Весьма часто личностное общение сводится к бытовому, но возможно общение между хорошо знающими друг друга людьми и на бытовом, бытийном уровне. Любое общение носит многомерный, партитурный характер, и поэтому выделение типов общения в конкретном речевом действии представляет собой условность и проводится с исследовательской целью. Полное устра-

нение личностного начала в институциональном общении превращает участников такого общения в манекенов. Не случайно нормы общения слуг и хозяев во многих сообществах требовали от слуг бесстрастного выражения лица. Аналогичное значение имеет светская улыбка на официальном приеме или сосредоточенный серьезный вид на производственном совещании.

Институциональность носит градуальный характер. Ядром институционального дискурса является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации — учителя и ученика, священника и прихожанина, следователя и подследственного, врача и пациента. Наряду с этим типом общения выделяется также общение учителей, а также учеников между собой. На периферии институционального общения находится контакт представителя института с человеком, не относящимся к этому институту. Таким образом, устанавливается следующая иерархия участников институционального дискурса: агент — клиент — маргинал.

К числу жанрово-стилистических категорий дискурса относится, на наш взгляд, и категория проективности. Дискурс представляет собой образование, построенное по определенным канонам в соответствии с целями и обстоятельствами общения, и степень каноничности дискурса и является основанием для его типизации. В этом смысле можно противопоставить базовый и проективный типы дискурса. Мы говорим о базовом педагогическом дискурсе, когда, например, учитель ведет урок и объясняет новый материал учащимся в школе. Вместе с тем учитель как агент дискурса может выступить в ином амплуа: вести политическую агитацию или рекламную кампанию, формально оставаясь в рамках своей сферы общения, в таком случае мы можем говорить о проективном политическом либо рекламном дискурсе на базе дискурса педагогического. Весьма вероятной является и такая ситуация, когда во время научной конференции или неформального обсуждения той или иной научной проблемы один из участников общения начинает читать своим коллегам лекцию, объясняя определенные понятия и концепции, т.е. осуществляет проективный педагогический дискурс на базе научного. Базовый дискурс является в известной мере идеалом, хотя и представлен в определенных жанрах, выступающих в качестве прототипных для этого типа дискурса. Соотношение между базовым и прототипным дискурсом в определенной мере отражает соотношение между прямыми и косвенными речевыми действиями. Подобно тому как существуют принципиально имплицитные речевые акты (например, лесть – Петелина, 1985), существуют и принципиально проективные типы дискурса, это особенно касается дискурса масс-медиа. Так, например, политический дискурс реализуется в современной жизни преимущественно через средства массовой информации (Шейгал, 2000).

Нормы институционального дискурса отражают этнические ценности социума в целом и ценности определенной общественной группы, образующей институт.

Говоря о жанрово-стилистической категоризации дискурса, нельзя обойти вопрос о функциональном стиле. В лингвистической литературе функциональные стили рассматриваются как производные от функций языка (обще-

ние, сообщение и воздействие, по В.В.Виноградову, и соответственно выделяются обиходно-бытовой, обиходно-деловой, официально-документальной, научной, художественно-беллетристической и публицистической стили), как производные от сферы употребления языка с учетом экстралингвистических форм общественной деятельности (в нашем понимании — это общественные институты), от формы проявления языка (устной или письменной), от вида речи (монологической или диалогической), от способа общения (массового или индивидуального), а также тона, или регистра, речи (высокий, нейтральный, сниженный), как производные от трех базовых дифференциальных признаков — эмоциональность / неэмоциональность, спонтанность / неспонтанность, нормативность / ненормативность (Долинин, 1978, с.109–110). Известна радикальная позиция Ю.М.Скребнева (Skrebnev, 1994, с.15), который считал, что стиль представляет собой характеристику подязыка, выделяемого исследователем в соответствии с целями исследования, и поэтому количество стилей может быть бесконечным — от стиля Ч.Диккенса до стиля кулинарных рецептов. На наш взгляд, продуктивным для понимания сущности функционального стиля может быть жанровый канон, т.е. стереотип порождения и восприятия речи в специфических повторяющихся обстоятельствах. В этом смысле дискурс представляет собой прототип, гештальт, когнитивное образование, сопоставимое с когнитивными образованиями, репрезентирующими предметы, события, качества и т.д. Термин "функциональный стиль" относится, на наш взгляд, к числу наименее удачных терминов в лингвистике, и поэтому, основываясь на критерии жанрового канона дискурса, мы предлагаем новое обозначение для обсуждаемого понятия — формат дискурса. Под форматом дискурса понимается разновидность дискурса, выделяемая на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств. Формат дискурса представляет собой конкретизацию типа дискурса, количество этих форматов является достаточно большим, но измеримым. Формат дискурса в свою очередь конкретизируется жанрами речи, которые выделяются на индуктивной основе.

К числу жанрово-стилистических категорий дискурса относится, на наш взгляд, категория развернутости и свернутости текста (амплификация / компрессия). Участники общения владеют обобщенными сценариями речевых жанров и могут разворачивать диалог в пределах того или иного жанра в соответствии с обстоятельствами общения. Это удобнее проиллюстрировать на примере простых речевых актов, например, просьба может состоять из трех типовых ходов — главного, вспомогательного и нейтрального, т.е. начала разговора, обращения, просьбы о просьбе ("Я хотел бы обратиться к тебе с просьбой"), мотивировки, обещаний, собственно просьбы, а также не относящихся к просьбе ходов. Чем короче коммуникативная дистанция, тем меньше вспомогательных компонентов будет использоваться. Но именно вспомогательные и нейтральные ходы представляют наибольший интерес для исследователя, стремящегося установить релевантные для речевого жанра параметры общения, а также этно- и социокультурную специфику этого

жанра. Чрезмерная развернутость конкретного речевого действия на фоне прототипного речевого жанра свидетельствует о возможных дополнительных целях этого поведенческого акта (просьба + лесть + ирония + прямые и косвенные намеки + игра и т.д.). Чрезмерная свернутость такого же речевого действия также приобретает знаковый характер и сигнализирует либо о чрезвычайных обстоятельствах (просьба о помощи), либо о трансформации данного речевого акта в другой акт (просьба переходит в приказ). Аналогичным образом организованы и вторичные речевые жанры, так, например, отзыв официального оппонента о диссертации, написанный на 20 страницах, будет, вероятно, воспринят как экстравагантный способ изложить свою концепцию, показать свою эрудицию, и поэтому трансформируется в другой жанр. Известны также анекдотичные сжатия определенных текстовых жанров (Заголовок "История мидян". Текст: "Начало истории мидян. История мидян темна и непонятна. Конец истории мидян").

Содержательные (семантико-прагматические) категории дискурса являются предметом оживленной дискуссии в лингвистической литературе (Гальперин, 1981; Трошина, 1982; Черняховская, 1983; Тураева, 1986; Макаров, 1990, 1998; Мышкина, 1991; Воробьева, 1993 и др.). Основные две линии в понимании категорий текста (и дискурса) состоят в том, что отправным пунктом в моделировании этих категорий может выступать текст как таковой либо текст в ситуации общения. В первом случае базовой категорией закономерно признается информативность текста в ее трех ипостасях, по И.Р.Гальперину: содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информация. В рамках этого же подхода в качестве основной категории текста может рассматриваться его смысловая целостность (цельность, интегративность). Во втором случае с учетом диалогичности общения важнейшей текстовой категорией признается адресованность, фактор адресата. Эта позиция четко выражена М.Л.Макаровым (1990), который противопоставляет в тексте основную пропозицию (тему текста) и основную иллокуцию (идею, смысл текста).

Существенным является выделение общих и частных категорий текста, особенность первых состоит в том, что они свойственны всем типам текстов, а специфика вторых — в том, что они могут быть обнаружены лишь в определенных типах текста (Воробьева, 1993). В самом деле, направленность на адресата устанавливается как в лирическом стихотворении, так и в инструкции для покупателя, прилагаемой к товару, но подтекст в инструкции вряд ли может быть актуализован. Следует отметить, что содержательные категории текста во многих работах исследователей явно или неявно сориентированы на художественный текст как текстовый прототип. О.Розеншток-Хюсси (1994, с.76) не случайно устанавливает терминологическую пирамиду: диалог как обращение к слушателям, монолог как мышление вслух и плеолог как обращенность к читателям, как речь, которая адресована более чем одной аудитории, чтобы будущее удержало это в вечном пользовании, плеолог — прототип литературы. Именно поэтому мы считаем целесообразным при выделении категорий дискурса вначале сориентироваться на тип социальной

дистанции в диалоге и соответственно на тип дискурса, а затем — на формат и жанр текста.

Основные две линии в моделировании категорий текста соответствуют, с одной стороны, герменевтической традиции интерпретации текста как самодостаточного явления, например, в границах стилистики декодирования, и экзегезе как толкованию текста с учетом внешних факторов его появления, как изучению "жизни текста", и, с другой стороны", противопоставлению понятности (понимаемости) и понимания текста (ср.: *comprehensability* — *comprehension*, *Verständigkeit* — *Verstehen* в работах Р.Водак). Изучение дискурса, разумеется, предполагает выбор второй линии моделирования текстовых категорий.

К числу содержательных категорий дискурса относится интерпретируемость текста. Эта категория является, на наш взгляд, уточнением адресованности текста и проявляется в более частных категориях точности, ясности, глубины и экспликативности / имплекативности текста. Особенность названных категорий дискурса заключается в том, что они в значительной мере меняют свои сущностные характеристики в зависимости от формата текста. Так, например, точность научного текста заключается в развертывании и уточнении характеристик понятия, точность делового текста — в строгом следовании жанровому канону (Ковшикова, 1997), точность художественного текста — в динамике образных ассоциаций (Тряпицына, 2000).

Коммуникативная ясность — это совпадение интенции автора и интерпретации адресата применительно к определенному тексту. Применительно к бытовому личностному общению ясность текста обеспечивается общностью тезаурусов участников коммуникации, ситуативной наглядностью (такое общение остенсивно по своей сути) и возможностью немедленной проверки адекватности понимания. В деловом общении ясность дискурса достигается благодаря клишированным (трафаретным) средствам общения, а также прецедентным юридическим и специальным (производственным, коммерческим, дипломатическим и др.) текстам (Глазко, 1996). Исследования Р.Водак (1997, с.68–69) убедительно доказывают, что формулировки как юридических документов, так и политических заявлений, предназначенных для широкой публики, понятны очень узкому кругу людей, при этом парафраза повышает степень ясности этих текстов только для тех людей, которые поняли текст с начала и без парафразы. Чрезвычайно интересным является вопрос о ясности текста применительно к религиозному (и мистическому) дискурсу: при достижении особого эмоционального состояния прозрения участники общения приобретают ощущение полного понимания внутреннего мира друг друга. Впрочем, может ли быть такое общение предметом изучения для лингвиста? Ясность художественного текста по своей сути фaszинативна: если текст оказывает на читателя или слушателя эмоциональное воздействие, если повторное восприятие этого же текста доставляет большее удовольствие, чем первое чтение, то интенция автора реализовалась успешно. Разумеется, возможны ситуации, когда читатели находят свой особый смысл в тех идеях и текстовых формах дискурса, которые для автора не играли никакой роли. Яс-

ность научного текста определяется четкостью понятийно-терминологического аппарата, логичностью изложения, иллюстративным материалом и простым и строгим литературным языком.

Мы говорим о глубине текста, имея в виду возможную неоднозначность интерпретации смысла. Глубина дискурса определяется необходимым количеством объяснительных трансформаций для однозначной интерпретации текста, это операциональная категория. Глубина текста легче всего иллюстрируется методом “от противного”: есть обстоятельства общения, не требующие того, чтобы над сообщением следовало бы задуматься, и есть обстоятельства, заставляющие внимательно проанализировать смысл прочитанного или услышанного. Прототипным глубоким текстом является универсальное автосемантическое высказывание — сентенция, афоризм, поговорка. Например, “Если не я для себя, кто за меня? Но если я только для себя — что я? И если не теперь, то когда?” (Гиллель). Этот религиозно-этический постулат может быть прокомментирован в виде трех интерпретативных ходов: 1) Ошибается тот, кто считает, что от человека ничего не зависит; судьба человека — в его руках, и нужно действовать; 2) Ошибается тот, кто действует только в собственных интересах; замкнувшись на самом себе, превращаешься в ничто, 3) Нельзя терять время, откладывая на потом главное и необходимое, поскольку жизнь коротка, и можно опоздать. Глубоким может быть не только философский трактат, но и обыденное замечание, например, парадоксальная фраза в диалоге: “Не торопись, а то успеешь”. За этой фразой стоит принцип жизни человека, не желающего погрязнуть в суете. Глубина текста является сигналом для адресата: нужно перейти к внимательному осмыслению сообщаемого.

Имплицативность, т.е. наличие косвенно выраженного смысла, проявляется в обиходной речи как намек, в художественном тексте — как подтекст, в деловом общении — как саморепрезентация. В политическом дискурсе особый интерес представляют случаи дезавуирования, т.е. признания некоторых сделанных заявлений и сообщений либо не соответствующими действительности, либо отражающими личное мнение чиновника, находящегося на государственной или партийной службе и поэтому, как предполагается, имеющего право говорить только то, что санкционировано руководством.

Формально-структурные категории текста достаточно детально изучены (см. работы И.Р.Гальперина, О.П.Воробьевой, Н.Н.Трошиной и др.). Отметим, что эти категории позволяют установить содержательные характеристики текста, будучи неразрывно связанными с семантико-прагматическими и жанрово-стилистическими категориями. Например, формальная связность текста (когезия) соотносится с содержательной связностью (когерентностью), выступающей в качестве уточнения категорий информативности и целостности текста. Важно подчеркнуть то обстоятельство, что категории дискурса представляют собой аспекты изучения весьма сложного явления, определенный угол зрения, под которым можно рассматривать текст в ситуации. В данной работе предложен социолингвистический подход к изучению дискурса, в рамках этого подхода выделяются три типа категорий — тип дискурса,

формат текста и жанр речи как базовые характеристики текста в коммуникативной ситуации.

Важным основанием, на котором противопоставляются жанры и смежные речевые феномены, является общее противопоставление прямой и непрямой коммуникации, в котором центральным является понятие непрямой коммуникации (как частный случай – косвенности) [Дементьев 2006]. Данное понятие / противопоставление оказывается в высокой степени жанрово релевантным (так, например, классификация фатических речевых жанров строится нами на двух основаниях, одним из которых выступает степень косвенности). Кроме того, речевые / речежанровые / риторические правила и нормы обращения к косвенным средствам в некоторых сферах и типах речи относятся к сильно национально-культурно специфическим особенностям коммуникации.

Важным методологическим основанием для выделения разных типов речевой системности для нас является противопоставление разных типов жанрово организованных дискурсов / дискурсивных образований, таких как, например, беседа или ссора (такие «объемные» типы дискурсов организуют речевые жанры, определяемые в общей классификации речевых жанров как сложные диалогические жанры, как правило неконвенциональные, как правило вторичные, при этом они могут быть риторическими и нериторическими), и речевых единиц, представляющих собой более или менее клишированные формулы, стереотипы, служащие средствами организации / связи дискурса разных интенциональных типов, разной тональности (в том числе – средством организации дискурса в рамках отдельных речевых жанров «первого типа», то есть сложных диалогических жанров). Сюда относятся обращения, средства речевого этикета и другие так называемые (в рамках разных теорий) коммуникативы, контактные, конативные, регулятивные или метакоммуникативные реплики, определяемые в названной классификации речевых жанров как простые первичные монологические конвенциональные жанры.

Данное деление, которое, заметим, не является столь уж принципиальным в ряде теоретических моделей, дающих объяснение речевым жанрам и типам жанровой системности и параметризации речи [Борисова 2001; Андреева 2005], часто считается методологически (и историографически) важным, поскольку циклы работ, посвященных, с одной стороны, речевому этикету, с другой – речевым жанрам, к сожалению, довольно слабо пересекаются друг с другом; соответственно при анализе данных явлений мы будем опираться на разные работы – и разные теоретические трактовки; соответственно есть смысл и в настоящей главе рассмотреть их отдельно.

Все перечисленные речевые единицы, средства речевой системности имеют ярко выраженную национальную окраску. Национальную специфику коммуникации создают большая или меньшая системность, проработанность на отдельных участках коммуникативного пространства, наличие и тяготение друг к другу конкретных речевых жанров (ср. рассмотренные в гл. II сложные отношения, существующие между жанрами русской речи разговор по

душам и светская беседа), а также конкретная языковая и речевая форма, в частности лексическое и грамматическое / синтаксическое наполнение стандартных типов реплик (для обнаружения собственно ценностных ориентаций здесь имеют большое значение, например, тяготение к оценочной лексике, литературной / нелитературной лексике или отдельным грамматическим формам, также транслирующим национально-специфичные идеи – ср. тяготение к «пассивно-фаталистическим» безличным предложениям в русском языке) и мн.др.

5. Микроструктура дискурса. *Минимальные единицы дискурса: диалогическое единство, прагматическая валентность. Референция, пропозиция, иллюкуция, анафора, тема/рема, порядок слов, главные/зависимые предикации, просодия предложения, иллюкутивный акт.*

Бахтинская теория речевых жанров, по мнению большинства коллоквиалистов, неотделима от созданной примерно в то же самое время английским логиком Дж.Л. Остином [Остин 1986] теории речевых актов (само бахтинское «высказывание», определяемое триединством «тема – стиль – композиция», нередко просто отождествляется с «речевым актом» Дж. Остина).

Генетическая близость теории речевых жанров и теории речевых актов неоднократно отмечалась в литературе [Вежбицка 1997: 108; Кожина 1999а; Москвин 2005; Федосюк 1997а: 105-108; Шмелева 1997: 92; Dönninghaus 2001: 74-77].

А. Вежбицка, в 1983 г. сравнивая положения теории речевых актов, тогда очень популярной и авторитетной в лингвистике речи, и бахтинской теории речевых жанров, почти не известной широкой лингвистической аудитории, подвергает первую жесткой критике за то, что, декларативно ставя целью анализировать именно реальные единицы речевого общения, ТРА в действительности недостаточно освободилась от присущих предшествующей научной парадигме в лингвистике ограничений и в осмыслении речи не вышла за пределы предложения:

Исследователю, просматривающему списки «речевых актов», обсуждаемых в лингвистической литературе, трудно не вынести впечатления, что «речевой акт» является понятием не только никогда и нигде не определенным, но и не поддающимся определению, что это по сути гетерогенное понятие, мнимый продукт высвобождения прагматики из жестких рамок «мертвого» грамматического описания, а по сути пересечение чисто грамматического понятия – «предложения» – с нерешительно и непоследовательно популяризуемым понятием вербальной интеракции людей – носителей языка. Какие же «речевые акты» обычно привлекают внимание исследователей? Прежде всего вопросы (литература, касающаяся вопросов, пожалуй, больше, чем литература, касающаяся всех других «речевых актов» вместе взятых); затем последовательно приказы, просьбы, обещания, предостережения и угрозы, приветствия и прощания, поздравления и соболезнования, благодарности и извинения. То есть прежде всего высказывания очень короткие, в большинстве

случаев однофразовые. Поэтому говорят: речевой акт, единица совершенно другого порядка, чем морфемы, слова или предложения; в действительности же понимают по-прежнему: предложение. Языковед чувствует, что пока он опирается на предложение – даже если он смотрит на это предложение с новой, неграмматической точки зрения – до тех пор у него под ногами твердая почва. Многофразовое высказывание – это, как ему представляется, зыбкая почва, подобная теории литературы и другим подозрительным областям «неточного» знания.

Но с функциональной точки зрения «речевые акты» – это, конечно, не только короткие, однофразовые формы – такие, как вопросы, приказы или ритуальные формы вежливости, – но также формы средние, большие и совсем большие – такие, как манифест, заявление, проповедь, выступление, беседа, дискуссия, ссора, а также трактат, биография, хроника, мемуары и т.д. По сути здесь вообще не может быть речи о длине, измеряемой в таких единицах грамматической структуры, как предложение [Вежбицка 1997: 100].

Таким образом, в теории речевых актов наметился тупик. Для выхода из тупика, по мнению А. Вежбицкой, следует начать именно с перенесения акцента с понятия «речевой акт» на бахтинское понятие «речевой жанр»:

«Речь здесь отнюдь не о замене терминологии. И речь также совсем не о противопоставлении чего-то статичного чему-то динамичному. «Речевой жанр», как его понимает Бахтин, является действием, а не продуктом (точнее говоря, он является кодифицированной формой действия). Слово «жанр» все же лучше, меньше вводит в заблуждение, чем слово «акт», потому что «акт» вызывает представление о высказывании коротком, одноразовом (а следовательно, вообще говоря, однофразовом). В результате исследование речевых действий человека часто превращается (чтобы не сказать: «вырождается») в исследование типов предложений – в особенности тех типов предложений, которые специализировались как орудия определенных жанров. «Дело в том, что существуют типы предложений, которые обычно функционируют как целые высказывания определенных жанровых типов. Таковы вопросительные, восклицательные и побудительные предложения». [Бахтин 1996: 194]. <...> Понятие речевых жанров, сформулированное и развитое в многочисленных работах Бахтина, представляется мне чрезвычайно плодотворным как для литературоведческих, так и для лингвистических исследований (а также для исследований культуры вообще). Особенно важен, в моем понимании, упор, который Бахтин делает, с одной стороны, на разнородность речевых жанров, а с другой – на необходимость единой методологии их исследования» [Вежбицка 1997: 101].

Следует отметить, что некоторые жанроведы, например М.Ю. Федосюк, определяют эти отношения как полное тождество: «Что же касается полного перечня содержательных признаков речевого жанра, входящих в анкету Т.В. Шмелевой, то он, по-видимому, и составляет ту предназначенную для распознавания адресатом характеристику коммуникативных намерений говорящего, которую М.М. Бахтин называл речевым замыслом говорящего и которая в

теории речевых актов именуется иллокутивной силой высказывания» [Федосюк 1997а: 107]. Приходя к такому, несколько неожиданному решению, исследователь далее разграничивает данные теории в основном по «внешним» – экстралингвистическим и «экстратеоретическим» признакам. Автор признает, что «существенное достоинство теории речевых актов состоит в детальной разработанности ее терминологии, чем, к сожалению, не может похвастаться теория речевых жанров» [Там же: 105]. Однако в конечном счете М.Ю. Федосюк отдает предпочтение бахтинской теории речевых жанров – правда, по таким же «экстралингвистическим» признакам:

«Говоря о тех преимуществах, которые имеются, по нашему мнению, у бахтинской теории речевых жанров, следует, прежде всего, отметить ее большую «филологичность»: она вписывает объект исследования в контекст уже известного филологам явления – литературных жанров, которые М.М. Бахтин, как известно, квалифицировал как вторичные, или сложные, жанры. При этом теория М.М. Бахтина концентрирует свое внимание на типах текстов, а не действий, как это делает теория речевых актов, которая обращается к рассмотрению и таких не получающих языкового отражения факторов, как искренность или неискренность говорящего» [Федосюк 1997а: 105].

В современной теории речевых жанров не решен до конца вопрос о том, может ли отдельный РА быть основой РЖ. На это указывает В.П. Москвин, который полагает, что РА (предложение, фраза) может являться:

- 1) единицей зависимой как звено:
 - а) монологического текста;
 - б) иллокутивной пары в диалоге – к примеру, ответ на вопрос в разговоре, равно как и любая другая реплика диалога;
- 2) единицей самостоятельной, независимой и самодостаточной (как, например, РА, лежащие в основе пословицы, поговорки, скороговорки, моностиха и т.д.) [Москвин 2005: 67-68; 2006: 108-109].

Рассмотрев эти возможные типы и роли РА в целом тексте / жанре, В.П. Москвин приходит к выводу, что «речевой основой жанра являются только те речевые единицы, которые могут функционировать независимо от других, а именно:

- 1) текст (понимаемый как неоднофразовое единство);
- 2) самостоятельный РА (соответственно, в состав первичных РЖ должны войти только те РА, которые способны к самостоятельному существованию)» [Москвин 2005: 69; 2006: 109].

Представляется, что наиболее четко сформулировала важнейшие, существенные различия речевого акта и речевого жанра (соответственно – предмета и задач теории речевых актов и теории речевых жанров) М.Н. Кожина в своих известных статьях «Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы)», «Речеведческий аспект теории языка» [1998; 1999].

Указывая, как и другие названные выше исследователи, на значительную генетическую близость данных теорий (общими в ТРА и ТРЖ являются исходные позиции и определение изучаемой единицы как речевой, как единицы речевого общения; общим у них является и динамический аспект: РА и

РЖ как единицы процесса языкового общения и речевой деятельности, как звенья (элементы) в динамике речи, в процессе построения текста, дискурса; слово как действие и деятельность общения; отсюда общим у них является и принцип изучения этой единицы – непременно в контексте экстралингвистических факторов [Кожина 1999а: 54]), исследовательница подчеркивает, что важнейшие различия лежат не в количественных, а в значимых качественных плоскостях – теоретических, методологических, идеологических, начиная с общих мировоззренческих установок создателей теорий: «Имеющиеся различия между этими понятиями обусловлены своеобразием национальных (или региональных) научно-мировоззренческих интересов и устремлений ученых, выдвинувших, с одной стороны, РА и разработавших ТРА (имеем в виду прежде всего основателей теории – Дж.Л. Остина и Дж.Р. Серля), с другой – концепцию М.М. Бахтина о РЖ» [Там же: 52].

«По-видимому, если отвлечься от семантико-прагматического аспекта и предположить возможность рассмотрения РЖ и РА с учетом других аспектов, то с чисто количественной стороны – объема (размера) единиц – РА и РЖ все же удобнее рассматривать как разные явления. Речевой акт – это (действие) отдельная реплика в диалоге, наделенная определенной иллокутивной силой и вызывающая, предполагающая определенный прелокутивный эффект. Это может быть и диалог – в смысле единства двух реплик собеседников (адресата и адресанта). Иначе говоря, это элементарная единица речи (одна из элементарных, если учесть высказывание). <...> Речевой же жанр – особенно если учесть вторичные РЖ – это более развернутое и сложное речевое построение, состоящее из нескольких речевых актов. Вторичные же РЖ могут быть представлены как множество (цепь) речевых актов с видоизменяющимися конкретными целями» [Кожина 1999а: 58-59].

Выделяются следующие линии различия: 1) РА – действие, РЖ имеет количественно и качественно более сложную природу и соотносится с ситуацией, событием, текстом; 2) в центре внимания теории речевых актов – грамматика языка (предложение), теории речевых жанров – речевая коммуникация и функциональный стиль; 3) ТРА по своей сути монологична, ТРЖ диалогична (социологична) [Кожина 1999а: 18-22].

Особое значение М.Н. Кожина придает стилистическому измерению РЖ (восходящему, с одной стороны, к бахтинской концепции «стиля РЖ», с другой стороны – к понятию вторичного речевого жанра) – данное измерение просто отсутствует у РА: «Но главное отличие концепции РЖ Бахтина от ТРА в том небезызвестном факте, что в трактовке речевого общения и его единиц он стоит на социологических позициях, а не психологических (как это представлено в ТРА). Отсюда следует целый ряд довольно заметных различий, в том числе и принципиального характера. Вместе с тем другим существенным отличием взглядов Бахтина относительно РЖ от определения РА в ТРА является стилистический аспект, обусловленный научными интересами ученого, – аспект, который остался вне поля зрения ТРА (в крайнем случае представлен на периферии учения, факультативно) и который, кстати, очень слабо реализован в жанроведческих работах русистики. Между тем учет этих

двух аспектов принципиально важен в плане соотношения РЖ и РА» [Кожина 1999а: 55].

По нашему мнению, последовательное рассмотрение приведенных концепций выявляет некоторые достаточно очевидные линии сходства и «взаимного отталкивания»: так, очевидно сходство между самими терминами-понятиями «речевой акт» и «речевой жанр», а также методиками их изучения. В то же время обращает на себя внимание, с одной стороны, очевидное разнообразие РЖ и относительная гомогенность пространства РА, а с другой стороны – близость РА далеко не ко всем РЖ (едва ли кому-то придет в голову говорить о речевых актах лекции, дискуссии, беседы). Мы полагаем, что расширительное понимание РЖ позволяет сближать РА и РЖ при ведущей позиции последних; РА особенно сближаются (и даже отождествляются) с одним из видов РЖ, а именно: конвенциональными первичными простыми РЖ. Ниже (глава о классификации РЖ) будет показано место данного типа РЖ в различных типологиях.

Каждому, кто занимался изучением естественной речи, известны очень серьезные затруднения, возникающие при каждой попытке адекватно объяснить данное явление. Очевидна ограниченность системно-структурной интерпретации текста с опорой на одни языковые показатели. Добросовестный исследователь с неизбежностью должен обращаться к явлениям внеязыковой действительности: личности, ведущие общение, их разнообразное вербальное и невербальное поведение (текстовые и нетекстовые референции) и психические состояния, коммуникативная компетенция (пресуппозиции и экспектации) и жизненный опыт в целом, коммуникативные и некоммуникативные традиции данного социума, элементы сферы, ситуации и обстановки общения... Очень трудно решить, какие из этих факторов могут быть значимыми в каждом конкретном случае. Новые коммуникативные модели, прежде всего инференционная и интеракционная [Schiffrin 1994; Sperber, Wilson 1995; Clark 1996; Макаров 2003; Карасик 2002], доказывают значимость многих факторов, которые не учитывались в предшествующих моделях и без которых тем не менее невозможна адекватная интерпретация коммуникации. Часто адекватная интерпретация коммуникации невозможна без учета эстетической значимости речи, а теория речевых жанров пересекается с поэтикой человеческого общения.

В целом при систематическом описании коммуникации методика компонентного анализа в виде параметризации ситуации общения и динамики ее развития давала достаточно достоверные результаты и была полезна при теоретическом осмыслении речи, то есть при выявлении речевых моделей. Как известно, компонентный анализ, или дескриптивная модель, является традиционным для семантики, откуда он потом был перенесен, с одной стороны, в морфонологию, с другой стороны, в прагматику, лингвистику текста и жанроведение.

Применительно к изучению коммуникации все существующие модели компонентного анализа восходят к общей модели языка К. Бюлера, в которой бесконечное разнообразие исходных внеязыковых параметров упрощенно

сводится к самой общей схеме функционирования языка, представляемой в виде так называемого коммуникативного треугольника «адресант – информация – адресат» или проще: «кто – что – кому (с кем)» [Бюлер 1993: 34].

Методика компонентного анализа активно применялась в этнографии речи, где основные восемь рубрик коммуникативного события обозначались посредством акронима SPEAKING – Situation, Participants, Ends, Act sequence, Key, Instrumentalities, Norms, Genres – ситуация, участники (адресант, адресат, аудитория), оценка эффективности речи, ход действия, ключ, инструментарий (язык, диалект, стиль), нормы и жанры (урок, заседание суда, церковная служба и т.п.) [Hymes 1972; 1977]. Ср. модель описания коммуникативного события из девяти параметров, применяющуюся в социологии и социолингвистике: цели или структура целей; правила (общепринятые представления о допустимости или недопустимости определенного поведения в той или иной ситуации); система ролей, характерных для ситуации; репертуар элементарных действий, свойственных ситуации; окружающая (материальная) среда; языковые и речевые средства; характерные для конкретных ситуаций трудности, требующие определенных навыков по их преодолению [Argyle et. al. 1981]. П. Рикёр выделяет одиннадцать параметров социальных взаимодействий «наделенных речью и разумом агентов»: цель (проект), мотив, обстоятельства, препятствия, пройденный путь, соперничество, помощь, благоприятный повод, удобный случай, вмешательство или проявление инициативы, желательные или нежелательные результаты [Рикёр 1995: 13].

В отечественной традиции выделялись такие «классифицирующие признаки» событий, как контролируемость/неконтролируемость со стороны участников, пространственная и временная локализация события, результат (эффект или последствия) события [Булыгина, Шмелев 1997: 108-110]. Е.Ф. Тарасов распределяет ситуации общения по трем признакам, «описывающим их отношение к социосфере»: 1) признак фиксированности ролевой структуры (соответственно выделяются нормативные и ненормативные ситуации); 2) признак соблюдения/несоблюдения социальных (этических) норм (санкционируемые и несанкционируемые обществом); 3) признак типичности для данного общества (стандартные и нестандартные) [Тарасов 1974: 272]. Разновидностью компонентного анализа является и модель С.А. Сухих и В.В. Зеленской – пять «сфер», выделяемых в диалогическом общении: производственно-институциональная, обслуживания, досуга, семейно-бытовая, окказиональная (однократная встреча с другим человеком) [Сухих, Зеленская 1997; 1998]. Л.П. Крысин рассматривает восемь ситуативных переменных: говорящий и слушающий и их социальные роли, их отношения, тональность общения (официальная, нейтральная, дружеская), цель, средство общения (подсистема или стиль языка, параязыковые средства), способ общения (устный/письменный, контактный/дистантный), место общения [Крысин 1989: 130]. О.Б. Сиротина выделяет следующие параметры изучения «языка города»: отличие речи города и села (в городе гораздо более сложная общая картина), специфика больших и малых (однороднее) городов (речь в малых городах однороднее), аспекты изучения: проблема именованности городских

реалий (улиц, учреждений) и аспект наименования (в том числе – разные принципы именования, социополитика) [Сиротинина 2008].

Заслуживают внимания рассуждения И.Н. Борисовой, касающиеся как названных моделей, так и самой идеи параметризации ситуации общения в целом: исследовательница обращает внимание на то, что все обычно выделяемые параметры достаточно четко делятся на две группы: «<...> параметры описания коммуникативного события содержат характерные черты коммуникативной ситуации (объективные критерии) и субъективную ее оценку коммуникантом (эффективность речи, проявление инициативы, желательные и нежелательные результаты)» [Борисова 2001: 18].

В то же время проблема адекватного описания ситуации общения, как подчеркивает И.Н. Борисова, еще далеко не решена. В наибольшей степени это проявляется в затрудненности использования предлагаемых в лингвистике и социолингвистике моделей на практике: «Все компоненты коммуникативного акта являются взаимозависимыми, и изменение одного из них с необходимостью влечет за собой изменение других. А коммуникативная ситуация как внутренняя форма коммуникативного события должна характеризовать его условия в целостности и в их отношении к коммуникативной деятельности участника. В реальной коммуникации исчерпывающая модель коммуникативного акта практически никогда не востребуется: обычно коммуниканту достаточно лишь нескольких атрибутов коммуникативной ситуации для опознавания типа коммуникативного события в целом» [Борисова 2001: 50-52].

Итак, поиск значимых параметров становится определяющим для огромного количества исследований по речи разных типов.

Выделяются разнообразные параметры (от двух до нескольких десятков), и общая картина пока производит впечатление предельной пестроты и разнородности. Исследователи не пришли к единому мнению даже по фундаментальным вопросам: какие параметры являются по-настоящему релевантными, позволяют прояснить в речи какие-то по-настоящему существенные моменты, тем более – какие могут быть положены в основу классификаций при дальнейшем выделении типов речи.

При этом в одних случаях параметризация коммуникации включает жанровое моделирование в качестве одного из параметров, в других случаях изучение жанров речи успешно использует параметризацию – учет (жанрово релевантных) параметров. «Жанр(ы) речи» могут выделяться в качестве одного из параметров, наряду с другими – как правило, это важный параметр, но обычно все же не «первый» (по сравнению, например, с собственно Говорящим, Слушающим и Предметом речи в упоминавшейся модели Бюлера).

Что же касается тех моделей, где вообще нет жанров в качестве даже одного из параметров (конечно, среди них оказываются и уже очень хорошо зарекомендовавшие себя модели, используемые, например, при изучении фонетики, лексики, словообразования в РРР), подчеркнем, это модели, не претендующие на то, чтобы дать полную картину функциональных, содержательных и структурных особенностей речи.

Повторяем, главная теоретическая сложность параметризации коммуникации (естественно, не считая объективных трудностей, связанных со сбором и обработкой конкретного практического материала) связана с выделением набора релевантных параметров (соответственно в случае речеведческого анализа – выделением жанрово релевантных параметров). Понятно, что релевантность параметров в данном случае в значительной степени означает имплицитивность: модель должна стремиться к тому, чтобы по возможности ограниченное число важнейших параметров позволяло учитывать наибольшее число объективно существующих других признаков речи. Таким образом, задача состоит в том, чтобы наиболее полно объяснять особенности речи при помощи возможно простой модели.

Следует отметить, что на протяжении приблизительно тридцати лет (как в рамках собственно жанроведческого анализа, так и за его пределами) в лингвистике речи в целом было предложено и апробировано много моделей, более или менее непосредственно восходящих к методике компонентного анализа. Здесь, конечно, невозможно рассмотреть все. Эти методики значительно различаются не только составом параметров и выделением некоторых из них в качестве важнейших, но и тем, в какой степени каждая конкретная методика оказывалась применима и была применена на практике.

Это может показаться странным, но именно последний критерий часто оказывается тем «водоразделом», который позволяет «отделять зерна от плевел».

Так, самыми оригинальными и интересными (иногда захватывающе интересными!) оказываются, как правило, чисто дедуктивные модели, которые могут быть очень «красивы» сами по себе, но при этом не имеют большого отношения к особенностям конкретного материала и возможностям его непротиворечивой оценки. Лишь немногие из таких моделей впоследствии были успешно применены на практике.

К таким моделям, бесспорно, следует отнести «анкету речевого жанра» Т.В. Шмелевой, предлагаемую в качестве модели описания и систематизации речевых жанров. Эта анкета включает семь пунктов, или «жанрообразующих признаков», необходимых и достаточных, по мнению исследовательницы, для опознания, характеристики, конструирования РЖ: «коммуникативная цель жанра», «концепция автора», «концепция адресата», «событийное содержание», «фактор коммуникативного прошлого», «фактор коммуникативного будущего» и, наконец, «языковое воплощение» [Шмелева 1997]. Авторитетность данной разновидности компонентного анализа в жанроведческих исследованиях, ее высокий индекс цитируемости, а также частичная востребованность в последующих практических разработках заставляют нас рассмотреть названные параметры подробнее.

В качестве главного из конститутивных признаков РЖ Т.В. Шмелева выделяет коммуникативную цель. Из рассуждений Т.В. Шмелевой видно, что, с одной стороны, ее подход близок речеведческому, где также коммуникативная цель является главным конститутивным признаком речевого акта; с другой стороны, главное значение данного признака исследовательница ви-

дит в том, что именно на его основе можно строить классификацию РЖ (что также сближает данный подход с речеактовым).

Т.В. Шмелева противопоставляет четыре типа РЖ:

- информативные – цель которых – различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение;

- императивные – цель которых – вызвать осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения;

- этикетные (в других работах Т.В. Шмелевой – «перформативные» – В.Д.) – цель которых – осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума: извинения, благодарности, поздравления, соболезнования, и т. д. вплоть до отречения от престола;

- оценочные – цель которых – изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей [Шмелева 1997: 91-92].

«Актуальность различения этих четырех типов РЖ подтверждается тем, – пишет Т.В. Шмелева, – что для некоторых из них языком выработаны особые грамматические формы, например, императив, интонационные показатели. Если учесть и разнообразные лексические показатели жанров, а также систему их наименований, составляющих целый словарь, то окажется, что на службу языковому воплощению РЖ привлечен огромный массив разнообразных языковых средств. <...>

Из информативных РЖ особого лингвистического внимания удостоены вопросы, классификация которых учитывает множество тончайших различий, которые нуждаются в осмыслении в рамках теории речевого жанра. Следует отметить, что информативные жанры составляют основную базу лингвистического анализа, однако вопросы их жанровой природы фактически не обсуждаются, а жанровое однообразие грамматически исследуемого материала «затушевывает» актуальность жанровой проблематики по отношению к классическим повествовательным предложениям.

Этикетные жанры оказались в центре лингвистического внимания с открытием перформативов как особого класса речевых актов, в отечественной традиции этикетные РЖ описываются в литературе, посвященной речевому этикету.

Оценочные РЖ изучены в наименьшей степени, хотя весьма подробно описано проявление оценочной семантики в разных типах предложений с помощью различных языковых средств (Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова)» [Шмелева 1997: 92-93].

«Образ автора», согласно Т.В. Шмелевой, – информация о нем как об участнике общения, которая «заложена» в типовой проект РЖ, обеспечивая ему успешное осуществление. Данный параметр принимает активное участие в организации и противопоставленности друг другу всех четырех выделяемых Т.В. Шмелевой типов РЖ:

«Может быть, наиболее чувствительны к этому параметру императивные РЖ, которые дифференцируются прежде всего на этом основании: приказ предполагает автора с определенными полномочиями, вопрос адресата “Кто ты такой, чтобы мне приказывать?” означает непризнание таких полномочий, что равносильно провалу жанра; просьба предполагает заинтересованность автора в исполнении обсуждаемого действия; поучение – старшинство автора по отношению к адресату или его превосходство в другом отношении; жалоба включает в свой типовой проект образ автора пострадавшего. Стоит подчеркнуть, что для образа автора РЖ едва ли не на первом месте стоят его отношения с адресатом, это, так сказать, “портрет на фоне”» [Шмелева 1997: 93-94].

По мнению М.Ю. Федосюка, «анкета РЖ» помогает типологически различать жанры, совпадающие по признаку «коммуникативная цель» (например, признание отличается от сообщения по признаку «концепция автора»: отправители сообщений всего лишь знают о некоторой ситуации, а отправители признаний – имеют к этой ситуации непосредственное отношение и при этом раньше не хотели о ней говорить) [Федосюк 1997b: 68].

К сожалению, фактор адресата не всегда учитывается с должной полнотой при анализе речевых жанров, хотя в них смыслообразующая роль адресата, казалось бы, гораздо более очевидна, чем в единицах более низких уровней. В целом для модели Т.В. Шмелевой характерен «крен» в сторону говорящего, за что ее справедливо критикует М.Ю. Федосюк: по его мнению, параметры анкеты РЖ «представляют собой не некие объективные <...> характеристики высказывания, его места в процессе общения, а также участников этого общения, а зафиксированную в данном высказывании оценку всех упомянутых параметров говорящим» [Федосюк 1997a: 107]. К сожалению, этого же недостатка не избежал и сам М.Ю. Федосюк, утверждающий, что не являются речевыми жанрами похвальба и лесть, представляющие собой неблагоприятные интенции, в совершении которых не может признаться говорящий [Там же: 112], а также комплимент [Там же: 113]. Однако и похвальба, и комплимент, и лесть воспринимаются как существующие жанры (типические ситуации общения) – с точки зрения слушающего, на что указывает О.Б. Сиротина. «речевой жанр сложился <...> в реальном восприятии бытового общения, прежде всего с точки зрения получателя речи» [Сиротина 1999: 27].

Третий жанрообразующий признак – «образ адресата». Он точно так же активно участвует в противопоставлении друг другу четырех типов РЖ:

«Среди императивных РЖ основную массу составляют жанры с адресатом исполнителем, то вынужденным принимать такую роль (приказ), то принимающим ее в своих интересах (совет); жалоба <...> представлена разновидностями, различающимися образом адресата – конфиденца или уполномоченного «принимать меры». При несовпадении представлений адресата о своей роли в данном эпизоде общения с образом адресата предъявляемого ему жанра появляются реплики типа “Я тебе не тот-то, чтобы мне указывать / командовать / советовать и т.п.”» [Шмелева 1997: 94].

В целом параметр «коммуниканты» и его значимость как для речевого жанра, так и для ситуации речевого общения по-разному оценивается лингвистами. Так, И.Н. Борисова не считает данный параметр лингвистически релевантным:

«Мы считаем, что, являясь участниками коммуникативного события, коммуниканты тем не менее не являются атрибутами коммуникативной ситуации. <...> тип и структура коммуникативного события существуют объективно, они диктуют социальные условия коммуникативной деятельности человека. Поэтому, с нашей точки зрения, можно говорить об атрибутах коммуникативной ситуации, связанных с социальным статусом ее участников, но не самими коммуникантами как личностями. Вследствие этого необходимо разграничить ситуативные (задаваемые данным коммуникативным событием) и субъективные (свойственные коммуниканту как личности) признаки участников общения, имея в виду, что и те и другие влияют на строение речи. <...> Исходя из этого, компонентами коммуникативной ситуации мы будем считать социальные роли, статусные отношения и количество участников, т.е. социально-коммуникативные условия, регулирующие коммуникативную деятельность участников общения» [Борисова 2001: 52-53].

«Образ прошлого» и «образ будущего» – два симметричных признака, «связанных с местом каждого РЖ в цепи речевого общения, которое представляет собой не хаотический поток словесных извержений, а разыгрывается по вполне определенному сценарию» [Шмелева 1997: 94]. Важно, что признаки «образ прошлого» и «образ будущего» охватывают не только многообразные ситуативные факторы, более или менее непосредственно предшествующие данному высказыванию либо следующие за ним («правый» и «левый контекст»), но и собственно разные речевые жанры: «Образ прошлого различает РЖ инициальные, начинающие общение, и такие, которые могут появиться только после определенных РЖ – таковы ответ, отказ, согласие, опровержение и ряд других, для которых предлагалось наименование «реактивные»: все они являются реакциями на другие жанры. Образ будущего предполагает дальнейшее развитие речевых событий, воплощающееся в появлении других РЖ» [Шмелева 1997: 94].

Следует отметить, что в традиции, идущей за речеактовым (иллокутивным) анализом – и в значительной степени идущей за Бахтиным – речь, в том числе речевые жанры, рассматривается прежде всего с точки зрения «что» хотел сказать говорящий, а также «что» воспринял слушающий, но не «о чем» была речь. Этот «прагматический» крен современного речеведения исправляет следующий пункт «анкеты речевого жанра» Т.В. Шмелевой – тип диктумного (событийного) содержания.

«С одной стороны, принято показывать, что одно и то же диктумное содержание может быть представлено в речи в различной “жанровой оправе”: в результате императивного жанра “Поздравь бабушку с днем рождения!” должен быть осуществлен этикетный жанр “Дорогая бабушка! Поздравляю тебя...”, чтобы потом дать повод для появления информативного жанра “Я поздравил бабушку”, который, в свою очередь, может вызвать к жизни оце-

ночный “Хорошо, что ты успел поздравить бабушку. Молодец!” – все эти жанры имеют одно и то же диктумное содержание – пропозицию поздравления. С другой стороны, нельзя не заметить, что РЖ отнюдь не безразличны к характеру диктума; выявляется целая серия признаков не собственно диктумной природы, но важных для отбора диктумной информации при формировании того или иного РЖ. Важен характер актантов диктумного события, так, среди императивных РЖ выделяется пожелание, поскольку предъявляемое в нем событие может быть осуществлено с помощью разных исполнителей – вплоть до высших сил, остальные императивные РЖ предполагают, что исполнитель прескриптивного события – человек. Не менее важны отношения актантов и участников речи: жалоба отличается от сетования тем, что первая предполагает включенность события в личную сферу автора, а вторая такого условия не содержит. Весьма существенна временная перспектива диктума, различающая среди информативных нарративных РЖ воспоминание и прогноз как жанры с перфектной и футуральной перспективой диктума. Но, пожалуй, наиболее сильным селективным действием обладает оценка диктумного события, противопоставляющая императивные РЖ просьбы и предостережения, разрешения и запрета; отрицательная оценочность события обязательна для РЖ жалобы, упрека, сетования и многих других» [Шмелева 1997: 95].

Наконец, последний параметр «анкеты речевого жанра» Т.В. Шмелевой – непосредственное языковое воплощение РЖ:

«Для модели РЖ его языковое воплощение важно увидеть как спектр возможностей, лексических и грамматических ресурсов жанра. В этом спектре можно обозначить некоторые полюсы: клишированность / индивидуальность, минимальность / максимальность словесного выражения. В первом отношении различаются стереотипные воплощения РЖ, например стереотипы городского общения или документы деловой сферы. Во втором аспекте РЖ обладает целой шкалой эксплицитности – от имплицитного проявления (согласие = кивок) до словесного выражения всех моментов, включая пресуппозитивные, ср.: Пригласите к телефону Андрея и Поскольку телефон в соседнем с вами кабинете не работает, а мне крайне необходимо поговорить с вашим коллегой Андреем, прошу вас: пригласите его к телефону, пожалуйста, если это вам не очень трудно, будьте так добры. Для характеристики языкового воплощения РЖ важно участие в оформлении метакомпонента с обозначением жанра: ср. Поздравляю с Рождеством и С Рождеством!; Предлагаю вам выпить чаю и Пожалуйста, чайку; В ответ на ваш запрос сообщаем, что нужными вам данными не располагаем и Нужными вам данными не располагаем» [Шмелева 1997: 96].

Пожалуй, именно наличие данного параметра «анкеты речевого жанра» и те перспективы исследования данного параметра, о которых говорит Т.В. Шмелева, оставляют надежду на то, что возможно описание речевых жанров в разработанной лингвистической терминологии, с учетом многочисленных накопленных как в лингвистике речи, так и в «традиционной» лингвистике данных.

«Анкета РЖ» создавалась Т.В. Шмелевой именно как дедуктивная модель и лишь значительно позже была апробирована на практике – важно, что первые же случаи ее применения потребовали серьезной модернизации.

Так, при работе с жанрами естественной письменной речи (ЕПР) Н.Б. Лебедева (основательница Лаборатории русской речи Барнаульского педагогического университета), которая в целом шла в русле «анкеты РЖ», должна была значительно изменить данную модель. В конечном счете Н.Б. Лебедева предлагает и – что важно – апробирует на обширном речевом материале оригинальную коммуникативно-семиотическую модель (КСМ) жанров ЕПР, которая лишь отчасти перекликается с моделью Шмелевой.

Специфика КСМ отражает ее назначение – быть средством описания именно жанров естественной письменной речи. Ее структура близка к фреймовой структуре типа ситуатемы (ситуатема глагола «писать»). Она имеет цель учесть максимальное число субстанциональных участников и несубстанциональных компонентов, объединяемых в категорию «фациента», конституирующих ЕПР, и параметры (функциональные признаки) фациентов. В нашем понимании, категория фациента довольно широка и включает, наряду с субстанциональными участниками (центральные из которых – актаны), и другие компоненты, имеющие функцию фактора. Модель конституируют следующие фациенты: 1) Автор («Кто?»); 2) Коммуникативно-целевой фациент («Зачем?»); 3) Адресат («Кому?»); 4) Объект коммуникации – Знак («Что?»); включающий диктумное содержание и языковое воплощение; 5) Графико-пространственный параметр («Как?»); 6) Орудие-средство («Чем?»); 7) Субстрат, материальный носитель знака («На чем?»); 8) Носитель субстрата («В чем?»); 9) Среда («Где?»); 10) Время восприятия знака («Когда?»); 11) Пациент «Ход коммуникации»; 12) Пациент «Социальная оценка» [Лебедева 2003].

Как видим, основные параметры (фациенты) «коммуникативно-семиотической модели» совпадают с жанрообразующими признаками «анкеты речевого жанра» Т.В. Шмелевой: Целевой компонент (Зачем?), Субъект (Кто?), Адресат (Кому?), Содержание и Языковое воплощение (Что?). Но есть и серьезные отличия: «<...> в КСМ, ориентированной на описание жанров естественной письменной речи, выделены материальные элементы как релевантные для этого вида речевой деятельности жанрообразующие признаки. Материальные элементы в ЕПР не только более значимы, чем в канонизированных разновидностях письменно-речевой деятельности, но подчас их неразрывная слиянность с содержанием в ЕПР может детерминировать жанрообразующую функцию, например, в граффити, книге жалоб и предложений, поздравительной открытке и пр.» [Лебедева 2007: 118-119].

Пожалуй, самой многоаспектной и полной среди дедуктивных моделей является ступенчатая модель И.Н. Борисовой, где разграничиваются «параметры коммуникативного события, влияющие на его продукт (текст), и атрибуты коммуникативной ситуации, т.е. социально и коммуникативно значимые признаки идентификации коммуникативного события, определяющие его жанр» [Борисова 2001: 52].

Выделяя в структуре коммуникативного события два аспекта / измерения: «вертикальное» и «горизонтальное», – И.Н. Борисова рассматривает в качестве основных структурных компонентов коммуникативного события социальный контекст, социальную норму и способ взаимодействия, выступающие в единстве.

И.Н. Борисовой выделяются следующие объективные интегрирующие признаки коммуникативного события, входящие в модель коммуникативной ситуации:

- типологическая стратификация коммуникативного события, например: тип общения (официальное – неофициальное), наличие/отсутствие наблюдателей (публичность – непубличность общения),

- способ общения, в том числе: контакт (непосредственный – опосредованный), форма речевого контакта (устная – письменная), языковая подсистема (кодифицированный литературный язык – разговорная речь – городское просторечие),

- организация общения: степень подготовленности коммуникативного события (запланированное – незапланированное), стратегии и тактики (стандартные – нестандартные, социально приемлемые – неприемлемые), социальная регламентация поведения (жесткий – нежесткий сценарий),

- топология и хронология коммуникативного события,

- объективные ситуативные характеристики коммуникантов, в том числе: социально-ситуативные признаки коммуникантов (количество участников коммуникации, постоянные и переменные социальные и диалогические роли, социально-статусные отношения и мотивационно-целевая ориентация коммуникантов).

В дополнение к этой модели коммуникативной ситуации И.Н. Борисовой выделяются субъективные признаки коммуникантов, влияющие на варьирование их речевого поведения, но не входящие в структуру коммуникативной ситуации: демографический паспорт, социально-профессиональный и культурно-речевой статус, а также оценка коммуникантом типичности ситуации и уровень коммуникативной компетенции [Борисова 2001: 50-57].

Модель И.Н.Борисовой получила начальную апробацию в ее докторской диссертации, посвященной непосредственным естественным диалогам (на материале записей телефонных разговоров), однако никем из ее последователей, насколько нам известно, в таком полном виде не применялась (использовались лишь отдельные параметры, которые были общими у данной модели с некоторыми другими моделями).

Повторяем, критерий практического использования, несмотря на то, что может показаться наименее теоретически обоснованным и значимым для собственно модели, часто оказывается тем решающим фактором, который позволяет наиболее адекватно оценить ту или иную модель.

Так, известные московские коллоквиалисты М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, записавшие, обработавшие и включившие в лингвистический обиход в виде хрестоматий и фондов обширный оригинальный речевой материал – огромное число непосредственных естественных монологов и диалогов –

тоже пытаются осмысливать свой материал по возможности адекватно и полно, и для этой цели тоже используют ступенчатую модель параметризации коммуникации. Однако их эмпирически-индуктивная модель существенным образом отличается от рассмотренных выше дедуктивных моделей, в частности, здесь оказываются востребованными далеко не все параметры, предлагаемые, например, Т.В. Шмелевой и И.Н. Борисовой.

В то же время очевидно, что при работе с обширным аутентичным речевым материалом должна использоваться модель, основанная на очень хорошем, четком теоретическом фундаменте.

Рассмотрим модель М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой подробнее.

Для удобства всё выявляемое многообразие параметров исследовательницы делят на четыре группы: «Весь комплекс признаков, характеризующих КА, можно сгруппировать по четырем основополагающим параметрам, формирующим любую коммуникативную ситуацию: время, место, партнеры коммуникации, тема» [Китайгородская, Розанова 1999: 25].

пространство / место коммуникативного акта: дом (внутрисемейный локус) – кухня, столовая, детская, спальня и т.п.; вне дома (вне семейный локус): пространство «около дома» – лифт, домофон, подъезд, двор и т.п.; работа; места временного пребывания вне дома – больница, дом отдыха, гостиница, поезд дальнего следования и т.п.; городское пространство: объекты, связанные преимущественно с целеориентированной коммуникацией (административные учреждения, банки, поликлиники, аптеки, магазины, рынки, предприятия сферы обслуживания, транспорт и др.) и с коммуникацией фатического характера (музеи, театры, дискотеки, клубы, рестораны и т.д.)

пространственные характеристики компонентов КА (ПК и предметные объекты): взаимное расположение ПК: визуальное/невизуальное, контактное (нахождение в одном локусе)/дистантное (нахождение в разных локусах)

время: будни/праздники, рабочее время/свободное время; «физическое» время КА (календарное, суточное); временной объем КА: ограниченность во времени КА, протяженность КА (большая/средняя/малая), повторяемость КА

партнеры коммуникации: коммуникативные роли ПК (говорящий: один/более одного – слушающий: один/более одного); «характер адресата» (личный / коллективный/массовый)

социальные роли ПК: постоянные: дом – семейные роли (муж, отец, сын, внук, зять и др.); вне дома (работа) – профессиональные роли (учитель, врач, шофер и др.); непостоянные, реализующиеся преимущественно вне дома (покупатель, клиент, пассажир, больной, и т.п.).

симметричность/несимметричность социальных ролей ПК в КА, паритетность/непаритетность

коммуникативная установка ПК

тональность общения – нейтральное/шутливое

коммуникативные намерения ПК – нефатическое/фатическое общение

коммуникативные цели ПК (намерения ПК конкретизируются в коммуникативных целях, которые могут быть соотнесены с преобладающими в данном КА функциями: нефатическая коммуникация тяготеет к реализации

прежде всего информативной, апеллятивной, а также метаязыковой функций. Апеллятивный тип общения в свою очередь (в зависимости от ожидаемого результата коммуникации) может быть разделен на собственно апеллятивный и прескриптивный подтипы. К зоне фатического общения тяготеет реализация метаязыковой и поэтической функций

наконец, темы, которые рождаются на пересечении трех параметров – пространства, времени и ПК, формирующих типовую коммуникативную ситуацию [Китайгородская, Розанова 1999: 25-34]

Значимость для жанровой организации речи выделяемых параметров не вызывает сомнений.

В то же время исследовательницами не решен до конца вопрос: за любой ли ситуацией стоит жанр/стереотип? Осознавая это, они пытаются не быть излишне прямолинейными: «Любая ситуация в отвлечении от конкретных ее участников имеет повторяющийся характер, но для конкретных ПК определенные ситуации могут быть новыми, ср.: Первый раз со мной такое» [Китайгородская, Розанова 1999: 27].

Как уже было показано, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова вводят и такие, казалось бы, менее значимые, субъективные параметры РЖ, как эмоциональный: «Эмотивная функция как “вторичная”, сопровождающая может проявляться не только при выражении говорящим собственных эмоций, но и при воздействии на эмоциональное состояние адресата» [Там же: 31]. При исследовании эмоционального компонента РЖ исследовательницы опираются на данные М.Ю. Федосюка, который, как известно, много и успешно изучал «жанры положительного и отрицательного эмоционального воздействия»: «<...> воздействие на эмоции не может быть первичной и непосредственной целью какого-либо речевого жанра. Оно, как правило, выступает как его вторичная, опосредованная цель – следствие того или иного воздействия на знания или поведение адресата» [Федосюк 1997b: 72].

В целом многие подобные «субъективные» моменты жанровой организации речи и ее дополнительной «окраски» составляют важную категорию жанровой тональности – М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова справедливо указывают на важность данной категории при анализе речи: «Подавляющее большинство жанров допускает реализацию не только в нейтральной («серьезной»), но и шуточной тональности. Ср., например, прощания типа: до свидания, пока, покедова, чао, чава какава и т.п.» [Китайгородская, Розанова 1999: 30].

В то же время нельзя не признать, что при выделении типов тональности данные М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой являются лишь начальными и обязательно должны быть уточнены и значительно расширены.

Работа в этом направлении активно ведется в последнее время.

Так, В.И. Карасик определяет коммуникативную тональность как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик 2007: 384]. Отмечается, что тональность воспри-

ятия и понимания текста обеспечивает единство интерпретации [Там же: 386].

В качестве возможных оснований типологии коммуникативной тональности исследователь предлагает, например, одноплановость / многоплановость смыслов, серьезность / несерьезность общения, кооперативность / конфликтность общения, приоритет содержания / формы общения [Там же: 386].

В результате выделяется несколько типов коммуникативной тональности (сам В.И. Карасик считает свой список открытым): информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, гипотетическая, агрессивная, манипулятивная, фасцинативная (серьезное эстетическое общение), идеологическая (серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим), эзотерическая (экзальтированное общение, направленное на поиск тайных знаков, целью которого является получение сакрального знания) [Там же: 386-411].

Естественно, что точное исчисление тональности коммуникации, как и методика ее членения, разработаны еще далеко не достаточно. В этой связи мы хотим отметить исследование Т.О. Багдасарян, посвященное трансформации жанров по признаку тональности [Багдасарян 2000]. На речевые жанры накладываются эмоциональные обертоны общения, порождающие различные новые смыслы у одной и той же пропозиции в разных коммуникативных условиях: выражение отношения адресанта к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому. Т.О. Багдасарян выделяет 36 таких тональностей. Считаем полезным привести этот список целиком: «официально», «серьезно», «шутливо», «восторженно», «дружелюбно», «враждебно», «саркастически», «недоверчиво», «безразлично», «пессимистически», «робко», «мечтательно», «с грустью», «пренебрежительно», «надменно», «агрессивно», «с отвращением», «настойчиво», «мрачно», «удивленно», «взволнованно», «хвастливо», «с тревогой», «раздраженно», «с обидой», «отрешенно», «радостно», «притворно», «задумчиво», «решительно», «вызывающе», «таинственно», «грубо», «испуганно», «вежливо», «ласково».

Так, по мнению Т.О. Багдасарян, семантике речевого жанра угроза даже в его «каноническом» виде присуща определенная тональность («модельная тональность»): «серьезно», «угрожающе».

Методика компонентного анализа успешно применяется при сопоставлении разных национальных систем коммуникации.

Так, «системный подход к описанию общения» И.А. Стернина предполагает разработку единой модели системного описания общения разных народов и в идеале позволяет исследователю «по единым основаниям осуществить описание и сравнение разных коммуникативных культур» [Стернин 2001: 124].

Среди параметров национальных систем коммуникации, подлежащих сравнению, И.А. Стернин выделяет следующие единицы коммуникации, измерения, категории и просто формальные и содержательные моменты, которые, собственно, и следует сравнивать:

Коммуникативные традиции – правила, не обязательные для выполнения, но соблюдаемые большинством народа и рассматриваемые в обществе как желательные для выполнения (спросить старика о здоровье, поинтересоваться успеваемостью школьника, предложить помощь женщине и др.).

Социальный символизм – совокупность смыслов (символических значений), приписываемых действиям, поступкам, явлениям и предметам окружающей действительности той или иной лингвокультурной, социальной, возрастной, гендерной и т.д. общностью.

Инокультурные информанты – принадлежащие к иной коммуникативной культуре, нежели исследуемая, но знакомые с исследуемой культурой в той или иной форме и способные высказать о ней суждение.

Гетерокультурные информанты – принадлежащие к исследуемой коммуникативной культуре.

Продуктивное коммуникативное поведение – вербальные и невербальные действия коммуникатора в рамках национальных норм и традиций общения.

Рецептивное коммуникативное поведение – адекватное понимание и интерпретация вербальных и невербальных действий собеседника, принадлежащего к определенной лингвокультурной общности.

Нормативное коммуникативное поведение – принятое в данной лингвокультурной общности и соблюдаемое в стандартных коммуникативных ситуациях большей частью языкового коллектива.

Ненормативное коммуникативное поведение – нарушающие принятые нормы.

Коммуникативный императив (жесткие – со знакомыми надо здороваться и мягкие – надо спросить ребенка, как учится, сделать хозяйке комплимент по поводу приготовленных блюд) – коммуникативное действие, необходимое в силу принятых норм и традиций в конкретной ситуации общения. Жесткие описываются предикатом принято, нежесткие – обычно принято.

Коммуникативные допущения – коммуникативные факты, признаки или действия, недопустимые в одной коммуникативной культуре, но возможные (хотя и не обязательные) в другой [Стернин 2001: 124-126].

6. Макроструктура дискурса. *Интенциональные модели дискурса: сценарии, нарративные схемы, грамматика дискурса, риторические структуры. Границы реплик в диалоге, горизонтальные и вертикальные модели порождения дискурса, когерентность, абзац, прогрессии, сценарии, фреймы.*

Концептуально ближе к идее РЖ (фрейма) «вертикальные» текстопорождающие модели [Одинцов 1980; Ballmer, Brennenstuhl 1981; Дейк ван 1989; Макаров 1990], обеспечивающие цельность текста. Коммуникант вначале «выбирает» определенный РЖ, в рамках которого он собирается вести коммуникацию. Избранный РЖ предоставляет в распоряжение коммуниканта корпус «своих» РА и некоторые «предписания» относительно их последова-

тельности. Таким образом, коммуникант отбирает средства не просто из континуума коммуникативных актов, но из хранящихся в виде особых параметров фрейм-модели РЖ наборов (классов) средств, объединенных общностью (прагматической) роли в организации дискурса соответствующего речевого жанра – обязательные и факультативные речевые акты, порождающие и непорождающие и т.д. Понятие порождающего РА используют М.Л. Макаров [Макаров 1990], С.Н. Черемисина (текстообразующая функция тезиса в композиционно-речевой форме рассуждение) [Черемисина 1990], Н.Н. Гастева («ДЕ-образующая» функция реплик) [Гастева 1990]. Это положение явно соотносится со словами Бахтина из книги «Творчество Франсуа Рабле...»: «во всякую эпоху есть свои слова и выражения, употребление которых воспринимается как известный сигнал говорить вольно, называть вещи своими именами, говорить без умолчаний и эвфемизмов...» [Бахтин 1990: 207]. Обязательные РА также можно разделить на конституциональные и неконституциональные. Конституциональные РА выражают сущность РЖ, их прагматическая семантика без остатка входит в прагматическую семантику РЖ, например, РА приказ в РЖ приказ.

Следует отметить, что тематическая организация разговора традиционно относилась именно к горизонтальным моделям, обеспечивающим только связность, но не цельность текста, а следовательно, данный тип системности как бы априорно объявлялся далеким от собственно жанрового.

Этих ограничений удалось избежать И.Г. Сибиряковой, которая в своей кандидатской диссертации [1996] рассматривает тематическую организацию разговорных текстов именно как модель вертикального типа, что становится возможным благодаря выделению не только тематической структуры текста (которую составляют темы и подтемы), но прежде всего гипертематической структуры текста (которую составляют гипертемы – классы, явления иерархически более высокого порядка, чем конкретные темы). Гипертематическая структура в значительной степени базируется на ведущей роли «Я»-темы и «ТЫ»-темы, а также «МЫ»-темы, которые выделяются И.Г. Сибиряковой вслед за Т.В.Матвеевой.

Так, И.Г. Сибирякова выделяет в реальных записях разговорной речи (материалом исследования послужила хрестоматия «Живая речь уральского города» [1995], далее – ЖР 1995) монотематически ориентированные текстовые блоки, объединенные общей гипертемой. При этом наличие в целом разговоре больше чем одной гипертемы делает возможной нелинейную организацию последовательности конкретных тем и тематических блоков.

На порождение / структурирование текста ориентированы наиболее разработанные психолингвистические модели с центральной проблемой реализации целей и плана говорящего в конкретных условиях коммуникации в соответствии с определенной композиционной схемой [Ахутина 1989; Зимняя 1976; Леонтьев 1969; Щедровицкий 1975].

В 80е гг. все более популярными становятся модели порождения текста «с прагматическим фокусом» – прежде всего тема-рематического типа [Fritz

1982: 51; Müller 1984; Viehweger 1984; Gülich 1985; Lindemann 1987; Макаров 1990].

Понятие динамической структуры РЖ впервые встречается у Т. Баллмера и В. Бренненштуль, предлагающих структурную модель речевого общения в виде типичной последовательности речевых ходов “hat” ‘шляпа’.

Взаимодействие в рамках РЖ развивается по схеме “hat” «порождение – нарастание до высшей точки – спад до завершения РЖ победой, поражением, сотрудничеством или началом другого РЖ» [Ballmer, Brennenstuhl 1981]. К «обязательному» в динамической структуре РЖ относятся не только РА, но и их порядок.

Соглашаясь с Баллмером и Бренненштуль в том, что взаимодействие в рамках РЖ развивается по схеме «порождение – нарастание до высшей точки – спад до завершения РЖ победой, поражением, сотрудничеством или началом другого РЖ», мы склонны рассматривать их модель лишь как частный случай развития РЖ. Начало спада возможно на любой точке отрезка CD (так как величина h не фиксирована) так же, как начало инерционного движения с сохранением достигнутого напряжения. Количество «ступеней» произвольно. «Движение вверх» возможно и после того, как один или несколько раз начиналось «движение вниз».

Наиболее релевантными для РЖ (если факультативны величина h , длина отрезков и даже само их наличие) являются точки А и В. РА в точках А и В, изменяющие направление и напряжение коммуникации, назовем по аналогии с механикой векторами-ускорениями. Векторы-ускорения наличествуют в динамической структуре большинства РЖ. Именно вектор-ускорение является той силой, которая заставляет слушающего включиться в систему координат данного РЖ и актуализировать хранящиеся в коммуникативной компетенции (метажанре) классы конституциональных, порождающих и проч. РА данного РЖ.

Обязательными на отрезках ВС и DE, где коммуникация характеризуется определенным направлением, считаем РА-векторы, направляющие коммуникацию в русле синтагматики РЖ, оформляющие соответственно нарастание и спад РЖ, на отрезке CD – РА-«инерцию», продвигающие РЖ к началу спада либо к началу следующего нарастания при неизменном напряжении коммуникации. Факультативными на отрезках АВ, ВС, CD, DE, EF считаем РА-«балласт», не совпадающие с направлением РЖ, но и не задающие коммуникации нового направления и не изменяющие ее напряжения. Векторы, не совпадающие с направлением РЖ, считаем факультативными векторами или антивекторами (последние противоположны направлению РЖ в данной точке). Факультативный вектор, как правило (но не всегда), как-то изменяет направление коммуникации, при этом его автор не обязательно понимает объективную роль своего РА. Автор антивектора, как правило, понимая развитие и стадию РЖ, сознательно портит или меняет его. И факультативные векторы, и антивекторы суть факультативные РА.

Показательно, что, несмотря на значительные различия, существующие между конкретными направлениями и школами, большинство из них осоз-

нанно или неосознанно приближаются к концепции РЖ Бахтина, предполагающей изучение различных аспектов диалога, (коммуникативного) синтаксиса, когнитивных аспектов коммуникации.

Синтактика речевого жанра изучена в наибольшей степени. Именно «композиция РЖ» (согласно М.М. Бахтину, – определенные типы построения целого, типы его завершения, типы отношения говорящего к другим участникам речевого общения [Бахтин 1996: 179]) традиционно считалась важнейшим аспектом высказывания. Как известно, композицию РЖ М.М. Бахтин понимал как монологическую, хотя и пронизанную диалогическими обертонами [Там же: 196-197]. Уже его последователи, развивая идею «вечного диалога», стали рассматривать РЖ как тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает речевой акт (первичный РЖ).

К «синтактике РЖ» следует отнести и поставленную еще М.М. Бахтиным проблему взаимодействия друг с другом отдельных жанров «в речевой цепи». Жанры речи, согласно Бахтину, являются типическими формами высказываний, которые являются отдельными звеньями в речевой цепи. Поэтому жанры организуют и упорядочивают последовательность высказываний: «Всякое высказывание – звено в цепи речевого общения. Это активная позиция говорящего в той или иной предметно-смысловой сфере. <...> Выбор языковых средств и речевого жанра определяется прежде всего предметно-смысловыми заданиями (замыслом) речевого субъекта (или автора)» [Бахтин 1996: 187]. Эти взаимные отношения между отдельными высказываниями в речевой цепи М.М. Бахтин понимал как диалогические: «Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются сменой речевых субъектов, то есть сменой говорящих. Всякое высказывание – от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата – имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала – высказывания других, после его окончания – ответные высказывания других (или хотя бы молчаливое активно ответное понимание другого, или, наконец, ответное действие, основанное на таком понимании). Говорящий кончает свое высказывание, чтобы передать слово другому или дать место его активно ответному пониманию. Высказывание – это не условная единица, а единица реальная, четко отграниченная сменой речевых субъектов, кончающаяся передачей слова другому, как бы молчаливым “dixi”, ощущаемым слушателями <как знак>, что говорящий кончил» [Бахтин 1996: 172-173]; «<...> смена речевых субъектов, обрамляющая высказывание и создающая его твердую, строго отграниченную от других связанных с ним высказываний массу, является первой конститутивной особенностью высказывания как единицы речевого общения, отличающей его от единиц языка» [Там же: 178].

Отметим, что эта сложная проблема, в целом еще далеко не решенная, неоднократно привлекала внимание современных исследователей. «Жанры постоянно текут, следуют, переплетаются естественно и быстро», – писала Л.А. Капанадзе [Капанадзе 1988: 230]. Легкость и автоматизм этого взаимо-

действия и «переплетения», по мнению Л.А. Капанадзе, прямо вытекает из природы спонтанной устной речи: «Разговорная речь – это постоянно меняющийся экран, и чтобы описать связь всех ее элементов, надо понять, что все жанры РР лежат очень близко друг от друга – во времени и пространстве близко – и это явление – микрокомплексное по своей сути.<...> Разговорная речь политипна и при этом членится на множество различных групп. Близкое соседство этих комплексов исключает их наложение и перекрещивание, каждый раз мы имеем дело именно с механизмом переключения» [Капанадзе 1988: 234]

Однако полноценного анализа данного явления исследовательница не осуществила.

Отдельные попытки исчислить или хотя бы зафиксировать границы отдельных РЖ в речи находим у других последователей Бахтина, например М.Ю. Федосюка:

«Как показывают наблюдения, не так уж редки случаи, когда в составе некоторого текста, ограниченного с обеих сторон сменой субъектов речи, можно обнаружить несколько фрагментов, обладающих относительной смысловой завершенностью, а также своими собственными тематическими, композиционными и стилистическими особенностями. Иллюстрируя сказанное на материале записей разговорной речи, можно утверждать, что реплика из нижеследующего примера (1) сочетает в своем составе рассказ и вопрос, реплика в примере (2) – осуждение и предостережение, а реплика в примере (3) – ответ и рассказ (границы между упомянутыми компонентами мы обозначили знаком #).

(1) Ш. <...> Ну это было интеллигентское такое/ выученное произношение/ я качаловского произношения не-не-не любил// Вот// Но всё же э... А у этого/ у-у Остужева было что-то совсем/ такое особенное/ вот/ когда/ сейчас/ этот э... Андроников рассказывает... # Вы слышали как Андроников/ «Горло Качалова»/ Е. Да// [Китайгородская, Розанова 1995: 13].

(2) А. – Ну лезет/ вот/ мне под руку/ и лезет// # не ставь мне под нос кастрюлю/ а то я/ тебе/ потом/ ее (НРЗБ) [ЖР 1995: 19].

(3) Б. А поч... что это такое?
А. Ноги/ это таёжный костёр// Это-о когда брёвна кладутся вдоль все/ рядышком одно к одному/ то (е)сть не в кучку/ а вдоль// (далее рассказ А. идет на фоне тихого телефонного разговора Г.) # Вот// И/ значит нарёзал лапничку/ сам прилёг рядом вдоль/ ну вот дрова были немножко фиговенькие/ поэтому придремать не удалось/ но всё равно//» [Федосюк 1997а: 103].

Целый ряд интересных замечаний о границах и синтагматике РЖ в речи, правом / левом контексте РЖ в речевой цепи высказывают М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова. Как и Бахтин, исследовательницы считают недопустимым «вырывать» отдельную реплику / отдельный жанр из целого разговора и не учитывать диалогическую природу речи: «<...> любая диалогическая пара (ср.: Ты куда? – В кино//) распадается на два речевых жанра (например, во-

прос – ответ). Но «разведение» подобных спаянных в диалогические единства реплик по разным жанрам приводит к разрыву их текстового единства (как формального, так и содержательного)» [Китайгородская, Розанова 1999: 23]. Подчеркивается роль адресата речи, его активность: «<...> роль адресата не пассивна. Он вправе согласиться или не согласиться на предлагаемые «условия игры». Права адресата закреплены в различных устойчивых выражениях типа поддержать (не поддержать) беседу, уйти от разговора, свести серьезный разговор к шутке, превратить мирную беседу в скандал и т.п.» [Там же: 37]. Коммуникативные неудачи, как отмечают исследовательницы, становятся следствием неправильного выбора ответного жанра партнером по коммуникации: «Подтверждением того, что речевое взаимодействие в акте коммуникации протекает в рамках жанров, адекватных ситуации и коммуникативным намерениям обоих ПК (партнеров по коммуникации – В.Д.), а не одного лишь говорящего, служат примеры коммуникативных неудач, связанных с неправильным выбором жанра или отсутствием «жанровой координации». Ср. характерные реплики: Что ты обижаешься/ я же не спорю с тобой// Я говорю то что слышал// или: Не нужны мне твои советы// Я тебе пожаловался/ ты посочувствуй// А что ты мне морали читаешь! и т.п.» [Там же: 24]. Отмечается обусловленность жанровой формы высказывания особенностями правого / левого контекста: «Синтагматическая (текстовая) позиция жанра определяется через возможность сочетаемости с соседями «слева» и «справа». Например, жанр приветствия занимает начальную позицию в коммуникации (ср. типичное замечание: Ты бы поздоровался сначала!). Соседство жанров создает условия для эллипсиса. Нередки случаи наложения одного жанра на другой, связанные с пропуском одного из фрагментов. (Ср. эллипсис ответной реплики согласия на просьбу рассказать что-либо: А. Расскажи как ты съездил-то// Б. Ну приехали мы рано/ сразу с вокзала в гостиницу <...>» [Там же: 39].

7. Некоторые методы анализа дискурса (формальный, социологический, психолингвистический, культурологический, когнитивный, логико-грамматический, коммуникативно-прагматический, экспериментальный). *Дискурс и национальная культура. Универсальные и культурно-специфические типы и жанры дискурса. Культурные и культурно-коммуникативные концепты и ценности. Описание типов дискурса и речевых жанров через посредство семантических примитивов.*

В.З. Демьянков развивает интерпретативный подход к дискурсу и понимает дискурс как смысловое развертывание некоторого опорного концепта, в результате чего создается общий контекст. «Элементы дискурса — излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события», т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» (Демьянков, 1982, с.7). Такое понимание дискурса уточняется в одной из новейших работ цитируемого ученого следующим образом: «В лин-

гвистической литературе дискурсом чаще всего называют речь (в частности, текст) в ее становлении перед мысленным взором интерпретатора. Интерпретатор помещает содержание очередной интерпретируемой порции дискурса в рамки уже полученной промежуточной или предварительной интерпретации. В результате устраняется, при необходимости, референтная неоднозначность, определяется коммуникативная цель каждого предложения и шаг за шагом выясняется драматургия всего дискурса. По ходу такой интерпретации воссоздается – «реконструируется» – мысленный мир (universe of discourse), в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал дискурс и в котором описываются реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т.п. положение дел. В этом мире мы находим характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий (в частности, поступков действующих лиц) и т.п. Этот мысленный мир включает также домысливаемые интерпретатором (с его неповторимым жизненным опытом) детали и оценки» (Демьянков, 2005, с.49-50).

Ю.С. Степанов обосновывает идеологический подход к дискурсу и пишет, что дискурс – «это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. ... Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – «возможный (альтернативный) мир в полном смысле этого логико-философского термина» (Степанов, 1995, с.44-45). При таком подходе акцентируется специфическое использование языка в рамках определенной идеологии. В качестве примера приводится советский новояз с его номинализациями и сочинительными цепочками, проанализированный П. Серио.

В.Е. Чернявская предлагает рассматривать дискурс в генеративно-тематическом аспекте как «конкретное коммуникативное событие, привязанное к определенным прагматическим, ментальным условиям порождения и восприятия сообщения и определенным моделям текстопорождения – типам текста», и как «совокупность тематически соотнесенных текстов» (Чернявская, 2001, с.19). Такое понимание дискурса как матричного образования позволяет выйти на изучение дискурсивных жанров и формул. А.И. Варшавская рассматривает взаимосвязанные понятия «дискурс» и «текст» и устанавливает между ними соотношение «процесс – структура» (Варшавская, 1999, с.26).

Г.Н. Манаенко суммирует различные понимания дискурса, определяя его как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов» (Манаенко, 2003, с.37). Автор строит детальную модель описания дискурса в виде конструкта, включающего четыре компонента: 1) среда (тип социального события, его цель, социально-идеологические условия, обстановка), 2) социальный субъект (социальный статус, ролевые отношения, социальная активность участников, их личные отношения), 3) содержание

(интенции и цели, мировоззренческие позиции, общий фонд знаний, знания правил и норм коммуникации), 4) текст (тема речевого общения, отнесенность к какому-либо речевому жанру, композиционное построение высказываний, специфика отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия) (там же, с.38). На мой взгляд, этот подход является интерпретативно-идеологическим.

Х. Трэппс-Ломэкс показывает наиболее существенные различия в понимании дискурса как языка в действии на примере короткого диалога:

A. You threw it so you get it. – Ты бросила, ты и доставай.

B. I'll call my mum. – Я маму позову.

Четыре лингвиста осмыслили и описали бы этот диалог по-разному.

Первый лингвист фиксирует текст – вербальную запись речевого события, нечто видимое и осязаемое, состоящее из различных языковых значений (слова, фразы, просодические элементы и т.д.). Этому исследователя интересует то, как части данного текста соотносятся друг с другом, формируя смысл высказывания.

Второй лингвист видит за этим текстом событие, знаком которого является этот текст. Этот исследователь делает примечание к диалогу: [летний воскресный полдень, Эдинбургский ботанический сад, две девочки 7 или 8 лет на тропинке, одна из них бросила в кусты мяч, которым они играли]. Этому ученого интересуют взаимоотношения между различными факторами данного события: участники, их социальное происхождение, их отношение друг к другу, обстановка, выбор языковых средств и т.д.

Третий лингвист принимает во внимание текст и коммуникативное событие, но его интересует исполнение (performance), драматургическое развитие этого диалога: что произошло, на ком лежит ответственность, как девочки оценивают эти факты (т.е. как они соотносят эти факты со своими знаниями и установками), чего они хотят достичь, каковы их стратегии. Этому ученого интересует интерактивная динамика происходящего процесса.

Четвертый лингвист воспринимает текст, стоящее за текстом событие и его драматургическую динамику как воплощение некоторой когнитивной структуры (the framework of knowledge and power), с помощью которой можно объяснить, почему эти двое детей ведут себя и воспринимают происходящее таким образом (Trappes-Lomax, 2004, p.135). С помощью этого остроумного приема аргументации цитируемый автор сводит различные понимания языка в его функционировании к основным четырем позициям: 1) текст как использование языка, 2) коммуникативное событие, 3) сценарий, лежащий в основе такого события, 4) культурная схема, объясняющая такой сценарий. Эти позиции с некоторыми оговорками соответствуют исследовательским установкам имманентной лингвистики, прагмалингвистики, теории дискурса и когнитивно-культурологической лингвистики. Обратим внимание на то, что названные позиции не являются взаимоисключающими, а предполагают друг друга для построения целостной модели дискурса.

Драматургический подход к дискурсу, вытекающий из соответствующего понимания социального действия, был обоснован известным американ-

ским социологом, социальным психологом и социолингвистом Ирвингом Гофманом (Erving Goffman). В основе этого подхода лежит идея сходства повседневного поведения с театральным представлением. Понятийный аппарат драматургической теории социального взаимодействия включает благо (the good), притязание (the claim), роль претендующего на благо (the claimant), препятствие на пути к благу (the impediment), роль препятствующего получению блага (the counter-claimant), действующие лица, которые играют обозначенные роли (the agents) (Goffman, 1972, p.51). Эти понятия соотносимы с известными функциями действующих лиц волшебной сказки, выделенными В.Я. Проппом: герой, помощник, даритель, отправитель, царевна, вредитель, ложный герой (Пропп, 1928, 88-89). К близким выводам пришел французский литературный критик Жорж Польти, разбивший в 1900 году все драматические сюжеты на 36 типичных ситуаций (мольба, избавление, преступление и др.) (цит. по: Hare, Blumberg, 1988, p.18). И в том, и в другом случае перед нами – схема развития сюжета, в основе которого находится некоторый конфликт. Персонажи волшебной сказки разработаны более детально, их функции более трафаретны, чем функции участников естественной коммуникации. Разумеется, человеческое поведение нельзя сводить к ограниченному набору стереотипных функций, сущность человека метафункциональна, но выделение тех или иных функций позволяет понять природу социальной интеракции.

В другой книге основатель социальной драматургии выделяет три роли говорящего: 1) исполнитель (animator), произносящий текст, 2) автор (author), выбирающий слова и фразы, 3) хозяин (principal), отвечающий за выраженное мнение (Goffman, 1981, p.226). Разграничиваются и роли слушающего: адресат (addressee), случайный участник общения (overhearer) и подслушивающий (eavesdropper). Эти персонажи выделяются на разных основаниях: применительно к субъекту речи важно противопоставить контроль и исполнение коммуникативного действия, применительно к адресату – легитимное либо нелегитимное участие в общении. В этой связи несомненный интерес представляют идеи, высказанные в исследованиях, посвященных феномену коммуникативной власти (Халипов, 1997; Ким, 2004; Осетрова, 2004; Черватук, 2006) и молчанию в общении (Богданов, 1986; Кибрик, 1991; Крестинский, 1993; Бабаян, 1999; Меликян, 2000).

К числу важнейших понятий в теории И. Гофмана относятся «ключ» и «переключение» (key and keying): «ключом» ученый называет набор конвенций, благодаря которым некоторое действие, имеющее смысл в определенной системе установок, трансформируется в иное действие, имеющее сходство с первым, но воспринимаемое иначе, например, обычное действие переносится на сцену и становится частью спектакля, или церемония повторяет некое событие, или действие разыгрывается с иными мотивами у его участников (Goffman, 1974, p.43-44). Переключением является пародия на некоторый текст или коммуникативное действие, которое становится частью учебного процесса. И. Гофман рассматривает переключение как неотъемлемую характеристику естественного общения, справедливо полагая, что любой комму-

никативный акт пронизан ассоциациями с другими подобными актами и отличается от них. С иных позиций эта идея получает развитие в исследованиях, посвященных интертекстуальности. Итак, драматургический подход к пониманию коммуникации, предложенный И. Гофманом, позволяет акцентировать в дискурсе меняющееся позиционирование ситуантов (я не случайно использую этот термин: в статье под характерным названием «The Neglected Situation» — «Ситуация, на которую не обращают внимания» — цитируемый ученый подчеркивает, что социальные ситуации имеют свойства, не сводимые к характеристикам действующих лиц) (Goffman, 1979, p.63).

Заслуживает внимания концепция дискурса, разработанная известным британским лингвистом Норманом Фээрклафом, который выделяет три функции коммуникативного поведения – действие, репрезентацию и идентификацию, при этом коммуникативное действие проявляется в виде различных жанров, репрезентация – в виде отдельных социально и личностно обусловленных дискурсов, идентификация – в виде стилей поведения (Fairclough, 2003, p.28). Коммуникативные жанры трактуются этим ученым как дискурсивные способы действия и взаимодействия в рамках социальных событий (genres are the specifically discorsal aspect of acting and interaction in the course of social events) (ibid., p.66). Как известно, М.М. Бахтин выделил первичные и вторичные речевые жанры (первые существуют в естественной ситуации обиходного общения, вторые – в ситуациях, выходящих за границы бытовой коммуникации). Н. Фээрклаф освещает неоднородность жанров дискурса с иных позиций, противопоставляя коммуникативные образования четырех типов: 1) собственно жанры, 2) имеющие более абстрактный характер, чем жанры (преджанры – pre-genres), а именно: повествование, рассуждение, описание и диалог, 3) проявляющиеся в различных жанрах (disembedded genres), например, интервью как собеседование при приеме на работу и как беседа с журналистом, 4) являющиеся ситуативными уточнениями жанров (situated genres), например, этнографическое интервью (ibid., p.71). Соглашаясь с цитируемым автором в том, что целесообразно противопоставлять жанры по вертикали (супержанры и субжанры) и по горизонтали (монодискурсивные и полидискурсивные жанры), я бы не стал считать композиционно-речевые формы (повествование, рассуждение, описание) разновидностями жанров. На мой взгляд, это особый аспект рассмотрения дискурса. Разговор (conversation), или диалог, также представляет собой особый модус дискурса.

Очень интересна идея Н.Фээрклафа о жанровом переносе как способе расширения типов общения, суть такого переноса состоит в реконтекстуализации, т.е. в проявлении жанра в новом коммуникативном пространстве, например, определенный жанр академического дискурса становится жанром делового общения (ibid., p.33). Развивая продуктивную классификацию социальных действий, предложенную Ю. Хабермасом, который выделяет коммуникативные и стратегические действия, Н. Фээрклаф противопоставляет целесодержащие и нецелесодержащие жанры речи (например, интервью и дружескую беседу) (ibid., p.71). Коммуникативные действия направлены на дос-

тижение понимания, стратегические – на совершение определенного действия в интересах инициатора общения. Автор прав, замечая, что исследователи дискурса часто основывают свои рассуждения на неявном признании тезиса о наличии цели в любом типе общения. Такая позиция, по мнению Н. Феэрклафа, объясняется резким расширением целесодержащих жанров речи в современной Западной культуре, доминантой которой является продвижение товара (promotion). Стратегическая коммуникация в рамках этой понятийной системы представляет собой понижение статуса адресата до объекта воздействия, который должен выполнить то или иное действие либо принять ту или иную позицию в интересах отправителя речи.

Дискурс в рассматриваемой концепции трактуется как позиционирование коммуникантов, которые могут по-разному освещать подачу информации в общении. Например, определенные характеристики событий могут быть названы или опущены в общении, выдвинуты на первый план либо нейтрализованы, обобщены либо конкретизированы, представлены в том или ином порядке, дополнены объяснениями, обоснованиями и оценкой (ibid., p.139). Таким образом, участвуя в том или ином коммуникативном событии, которое дано нам как нечто внешнее и объективное по отношению к нам, мы принимаем определенную позицию и тем самым проявляем свою сущность. В этой триаде – действие, репрезентация и идентификация – разворачивается коммуникативное поведение человека. Интересно отметить, что как жанр, так и стиль в рамках данной системы понятий не зависят от коммуникативного субъекта, который должен принять правила игры, действуя по законам жанра, и проявить свою идентичность в том или ином стиле поведения. От человека зависит только репрезентация событий, т.е. дискурсивное позиционирование. Такая исследовательская модель представляется весьма продуктивной как для понимания сути коммуникативного поведения, так и для его описания.

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что человек говорящий наделен большей свободой действий в общении, чем это показано в модели Н. Феэрклафа. Во-первых, участники общения вправе поменять коммуникативный жанр по своему усмотрению. Например, пациент может сделать врачу комплимент, не относящийся к профессиональной деятельности, и тогда общение может перейти из институционального жанра диагностической беседы в лично ориентированный жанр флирта. Во-вторых, один из участников общения либо все коммуниканты могут карнавально перевернуть жанр общения, пародируя его характеристики либо изменив тональность речи. Например, получив почетную грамоту во время торжественного заседания, одна женщина шла в зал на свое место и вполголоса говорила: «Приду домой, повешу грамоту на стену. Страна должна знать своих героев!». Это было в послевоенные годы в Советском Союзе, и тогда подобное коммуникативное действие не могло остаться незамеченным. Только славное фронтовое прошлое спасло нарушительницу жанра от серьезных последствий. Этот факт, однако, показателен в плане возможностей человека оставаться хозяином коммуникативной ситуации. В-третьих, человек может прекратить общение и

тем самым выйти из игры, навязанной ему канонами жанра. Это относится к жанровому аспекту дискурса. Применительно к стилевой характеристике общения следует заметить, что коммуникативное поведение включает как помимовольный, так и осознанно реализуемый стиль. Степень контролируемости человеком своего стиля поведения различна, это зависит и от личности, и от обстоятельств. Было бы упрощением, тем не менее, сводить все характеристики стиля к неподконтрольным проявлениям личности.

Приведенные выше различия в моделировании дискурса – дискурс как общение посредством текста и как позиционирование субъекта в таком общении – не являются взаимоисключающими и могут рассматриваться как ситуативно-ориентированное либо субъектно-ориентированное понимание дискурса. В этой связи представляет интерес концепция интенциональных типов общения, разработанная С.А. Сухих (1998). Автор выделяет четыре типа общения, в основе которых лежат базовые макроинтенции: 1) экспрессивная макроинтенция направлена на поддержание эмоционального контакта с партнером и проявляется в аффилиативном диалоге, 2) эвристическая макроинтенция выражает познавательную потребность и проявляется в диалого-интервью, 3) координативная макроинтенция обусловлена потребностью субъекта в идентификации и порождает интерпретационный тип диалога, 4) регулятивная макроинтенция определяет инструментальный диалог (Сухих, 1998, с.14). Выделенные цитируемым исследователем типы общения отличаются от известных типов социального действия у Ю. Хабермаса, который противопоставляет 1) телеологическое (стратегическое) действие, направленное на достижение практического результата, 2) нормативное действие, обусловленное нормами и ожиданиями общества, сюда относятся в частности различные ритуалы, 3) драматургическое действие, состоящее в разыгрывании ролей, исполняемых коммуникантами друг перед другом, 4) коммуникативное действие, представляющее собой межличностное общение (Habermas, 1984, p.85-86). Аффилиация и регулировка у С.А. Сухих в определенной мере соотносятся с коммуникативным и стратегическим действием у Ю.Хабермаса. Эвристическое и интерпретативное общение в понимании С.А. Сухих направлены соответственно на познание мира и определение своей точки зрения в коммуникации. Ю. Хабермас выделяет в качестве отдельных типов социального действия ритуал и перформанс (презентацию). Схема С.А.Сухих является субъектно-ориентированной моделью общения, схема Ю.Хабермаса соединяет в себе субъектные и ситуативные характеристики коммуникации.

В современной отечественной лингвистике выполнено много исследований, посвященных типам дискурса. Эти исследования можно свести к трем подходам — социолингвистическому (кто говорит), прагмалингвистическому (как говорят), тематическому (о чем идет речь). На основании социолингвистического критерия выделяется и анализируется политический дискурс (Шейгал, 2000; Филинский, 2002; Миронова, 2003; Руженцева, 2004; Анненкова, 2005; Будаев, Чудинов, 2006; Гусева, 2006; Изюров, 2006; Стрелкова, 2006; Фомина, 2006; Каблуков, 2007), деловой дискурс (Астафурова, 1997;

Шилова, 1998; Мойсеенко, 2005; Ковалевская, 2006; Колтунова, 2006; Кутяева, 2007), массово-информационный дискурс (Желтухина, 2004; Чернышова, 2005; Каменева, 2006; Кузнецова, 2006), рекламный дискурс (Лившиц, 2001; Косицкая, 2005; Максименко, 2005; Панкова, 2006; Урванцев, 2006), религиозный дискурс (Пиевская, 2006; Бобырева, 2007), судебный дискурс (Овчинникова, 2006; Васильянова, 2007), научный дискурс (Аликаев, 1999; Михайлова, 1999; Варгина, 2004; Варнавская, 2005; Болдырева, 2006; Болотова, 2006; Чалбышева, 2006; Ракитина, 2007), педагогический, или дидактический, или учебный дискурс (Коротеева, 1999; Каратанова, 2003; Ильичева, 2005; Токарева, 2005; Олешков, 2006; Шашкова, 2006), дипломатический дискурс (Вебер, 2004), медицинский дискурс (Мульганова, 1997; Бейлинсон, 2001; Акаева, 2007; Барсукова, 2007), компьютерный, или электронный, или виртуальный дискурс (Галичкина, 2001; Кондрашов, 2004; Смирнов, 2004; Школова, 2005; Лутовинова, 2006). Особое место занимают социолингвистические исследования дискурса применительно к коммуникативному сознанию подростков, младших школьников и дошкольников (Седов, 1999; Гуц, 2005; Лемякина, 2004; Чернышова, 2001). Прагмалингвистический подход к исследованию дискурса конкретизируется как изучение комического, или юмористического дискурса (А.В.Карасик, 2001; Плотникова, 2003; Проскурина, 2004; Вербицкая, 2005; Панченко, 2005), ритуального дискурса (Извекова, 2006), эзотерического дискурса (Хачатурова, 2004). В ряде работ рассматриваются дискурсивные характеристики жанровых образований – аргументативный дискурс (Бардина, 2004; Калашникова, 2007), повествовательный дискурс (Данилова, 2005), дискурс опровержения (Пучкова, 2006), побудительный дискурс (Никульшина, 1998), на мой взгляд, эти исследования вписываются в прагмалингвистическую модель изучения дискурса. С некоторыми оговорками к прагмалингвистическому типу дискурса можно отнести эпистолярный дискурс (Крюков, 2001; Полякова, 2001; Бусоргина, 2006) и слухи (Почепцов, 1990; Прозоров, 1997; Крейдлин, Самохин, 2003; Осетрова, 2003). Тематический критерий положен в основу выделения экономического дискурса (Томашевская, 2003; Степанова, 2006), морального дискурса (Ошкина, 2007), экологического дискурса (Рогожникова, 2002), сказочного дискурса (Соборная, 2004; Акименко, 2005; Гришина, 2006), прогностического дискурса (Савицкайте, 2006), автобиографического дискурса (Кованова, 2005), террористического, расистского и ксенофобического дискурса (Кунина, 2001; Колосов, 2004; Свирковская, 2005; Буряковская, 2006). М.Стаббс выделяет три основные характеристики дискурса: 1) в формальном отношении это – единица языка, превосходящая по объему предложение, 2) в содержательном плане дискурс связан с использованием языка в социальном контексте, 3) по своей организации дискурс интерактивен, т.е. диалогичен. ("It refers to attempts to study the organisation of language above the sentence or above the clause, and therefore to study larger linguistic units, such as conversational exchanges or written texts. It follows that discourse analysis is also concerned with language use in social contexts, and in particular with interaction or dialogue between speakers".) (Stubbs, 1983, p.1). Хотелось бы обратить внима-

ние на логическую связку между первым и вторым пунктами в этом классическом определении: изучение языковых образований, превосходящих предложение, подразумевает анализ условий социального контекста.

Ситуативно-ориентированная модель дискурса допускает различные измерения, в частности социолингвистическое и прагмалингвистическое (Карасик, 2002). В первом случае нас интересуют в первую очередь характеристики участников дискурса, во втором – характеристики его тональности. Несколько упрощая положение дел, в первом случае мы спрашиваем, кто участвует в общении, а во втором случае – как проходит общение. Вне нашего рассмотрения остается тематика дискурса, т.е. вопрос о том, что является предметом речи. Тематические характеристики дискурса изучены в научной литературе достаточно полно и поэтому в данной работе затрагиваются только попутно.

Социолингвистическое описание дискурса строится на основании выделения личностно-ориентированного и статусно-ориентированного типов общения. Личностно-ориентированное общение происходит в тех ситуациях, когда участники общения раскрывают друг другу все богатство своего внутреннего мира и воспринимают друг друга как личности, статусно-ориентированное общение имеет место между людьми, воспринимающими друг друга как представителей определенной группы общества в каком-то одном качестве (врач – пациент, адвокат – подзащитный, администратор – подчиненный сотрудник и т.д.). Выделяются две разновидности личностно-ориентированного дискурса – бытовое и бытийное общение (в последнем случае имеется в виду художественный и философский дискурс), с одной стороны, и институциональный и неинституциональный дискурс, с другой стороны. В рамках институционального дискурса противопоставляются сложившиеся в обществе типы общения (политический, педагогический, религиозный, медицинский, научный, юридический, рекламный, военный, дипломатический и другие разновидности дискурса, отражающие специфику соответствующего социального института). Список типов институционального дискурса исторически обусловлен и ограничен. Неинституциональный дискурс представляет собой общение незнакомых людей между собой («Простите, который час?»).

Прагмалингвистическое описание дискурса базируется на основании типов коммуникативной тональности – культурно обусловленного эмоционально маркированного способа организации общения. Выделяются серьезный и юмористический, торжественно-ритуальный и обыденный, информативный и фасцинативный, содержательный и фатический и другие типы дискурса.

Изучение дискурса в аспекте его жанровых характеристик традиционно связано с исследованием художественного текста. Имеются в виду вторичные речевые жанры, по М.М. Бахтину. Лингвисты часто обращаются к анализу текстов малых форм – поэтический заголовок (Иванова, 2006), лимерик (Павлова, 2005), народная, авторская или бардовская песня (Кучукова, 2004;

Плотницкий, 2005; Абросимова, 2006; Дьякова, 2007), альбом рок-группы (Мельникова, 2004).

В научной литературе рассматривались жанры в рамках определенных типов институционального дискурса: в политическом дискурсе – политическое интервью (Попова, 1995), листовка (Федотовских, 2005), предвыборная полемика (Гайкова, 2003; Иванова, 2003; Литовченко, 2003; Линнас, 2006), парламентские дебаты (Китик, 2004; Правикова, 2005), политический скандал (Кочкин, 2003), карикатура (Артемова, 2002), политическая программа (Логонова, 2004), новогоднее обращение (Комисарова, 2005), в массово-информационном дискурсе – частное объявление (Курченкова, 2000; Гусар, 2004), брачное объявление (Шибанова, 2004; Рогалева, 2005; Черкасова, 2006; Царикевич, 2007), интервью (Апалат, 2003; Красноперова, 2005; Стрельникова, 2005; Шевченко, 2006), открытое письмо (Гусева, 2000), ток-шоу (Ларина, 2004), искусствоведческая рецензия (Земцова, 2006), плакат (Кругликова, 2005), в дипломатическом дискурсе – дипломатический протокол (Метелица, 2003), в рекламном дискурсе – слоган (Белюсова, 2006), в научном дискурсе – статья (Михайлова, 1999), научная рецензия (Гришечкина, 2002), в деловом дискурсе – коммерческое письмо (Сыщиков, 2000; Стеблецова, 2001), деловое письмо (Ковшикова, 1997; Чигридова, 2000; Радченко, 2005), деловые переговоры (Баландина, 2004), в религиозном дискурсе — молитва (Мишланов, 2003; Бобырева, 2004; Тестоедова, 2004), проповедь (Крысин, 1996; Прохватилова, 1994; Плиссов, 2005), духовное послание (Ярмульская, 2006), миссионерский текст (Саракаева, 2000). Существуют пограничные жанры, относящиеся к разным типам дискурса одновременно, например, рекламное интервью относится как к рекламному, так и к массово-информационному дискурсу (Варганова, 2006).

Иное освещение получают жанры институционального дискурса с позиций риторики. Т.В.Анисимова и Е.Г.Гимпельсон дают развернутое описание системы жанров делового общения – «речь в прениях», «речь-предложение», «возражение», «резюме», «устное распоряжение» (приводится описание 40 речевых жанров) по следующей схеме: определение жанра, коммуникативная задача, разновидности жанра, его структура, иллюстративные примеры, типичные ошибки в построении жанра (Анисимова, Гимпельсон, 2007).

Множество подходов к пониманию дискурса можно свести к ситуативно-ориентированной и субъектно-ориентированной трактовкам дискурса. Понятие «дискурс» сопряжено с понятием «текст» по линии «процесс – результат». Дискурс проявляется в виде жанров, которые представляют собой исторически обусловленные форматы коммуникативного поведения. Дискурс предполагает сознательное и помимовольное позиционирование участников общения и строится как драматургическое образование. Участвуя в дискурсе, коммуниканты вырабатывают свой стиль, в котором раскрываются их социальные и личностные характеристики. Ситуативно-ориентированная модель дискурса уточняется в двух направлениях: социолингвистическое и прагмалингвистическое описание дискурса. В рамках социолингвистического описания дискурса выделяются личностно-ориентированный и статусно-

ориентированный дискурс. В рамках прагмалингвистического описания дискурса выделяются типы общения, противопоставляемые по коммуникативной тональности. Субъектно-ориентированная модель уточняется как мотивационно-ориентированный и презентационно-ориентированный дискурс. Разновидностью мотивационно-ориентированного дискурса является стратегическое общение.

Показательно общее направление сопоставительного изучения культур «от содержания → к форме», как известно, присущее типологическим исследованиям, в отличие от сравнительно-исторического и ареального сравнения [Успенский 1965; Кибрик 2003]: ср., например, кросс-культурную прагматику А. Вежбицкой и ее последователей, где культурно обусловленные коммуникативные нормы, все функционирующие в пределах той или иной культуры знаковые системы описываются в терминологии семантических примитивов, а любая единица системы понимается как неуниверсальная совокупность универсальных семантических множителей.

Последние эмпирические данные (ср. Goddard andl Wierzbicka 1994) дают основание полагать, что полный набор гипотетических элементарных концептов, лексикализованных во всех языках мира, включает следующие элементы: [субстантивы] Я, ТЫ, НЕКТО, НЕЧТО, ЛЮДИ; [детерминаторы, кванторы] ЭТОТ, ТОТ ЖЕ, ДРУГОЙ, ОДИН, ДВА, НЕСКОЛЬКО/НЕМНОГО, МНОГО/МНОГИЕ, МАЛО, ВСЕ, ВСЕ; [ментальные предикаты] ДУМАТЬ, ХОТЕТЬ, ЗНАТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ, ВИДЕТЬ, СЛЫШАТЬ; [речь] СКАЗАТЬ; [действия, события, движение] ДЕЛАТЬ, ПРОИЗОЙТИ/СЛУЧИТЬСЯ, ДВИГАТЬСЯ; [существование, жизнь] ЕСТЬ (ИМЕЕТСЯ), ЖИТЬ; [оценки] ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ; [дескрипторы] БОЛЬШОЙ, МАЛЕНЬКИЙ; [пространство] ГДЕ, СТОРОНА, ВНУТРИ, ДАЛЕКО, БЛИЗКО; ВЫШЕ/НАД, НИЖЕ/ПОД; [время] КОГДА, ПОСЛЕ, ДО, ДОЛГО, НЕДОЛГО, НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ; [таксономия, партономия] ВИД/РАЗНОВИДНОСТЬ, ЧАСТЬ; [интенсификатор] ОЧЕНЬ, БОЛЬШЕ; [сходство] ВРОДЕ/КАК; [связки между частями сложного предложения] ЕСЛИ, ЕСЛИ БЫ, ПОТОМУ ЧТО/ ИЗ-ЗА; [оператор частей предложения] НЕ ПОТОМУ ЧТО/НЕ ИЗ-ЗА; [метапредикат] МОЧЬ.

Широко известный подход А. Вежбицкой [Wierzbicka 1991; 2005] тоже развивался из критики «несистемности», противоречивости традиционных лингвистических описаний, а также их этноцентризма. Не умаляя достижений А. Вежбицкой и ее последователей, описавших множество языковых, речевых, коммуникативных и культурных явлений в нескольких десятках языков в оригинальной («самопонятной») и в идеале преодолевающей этноцентризм) терминологии семантических примитивов, отметим, что требования самопонятности и минимальности семантических примитивов, с одной стороны, и требование универсальности, с другой, в известной степени противоречат друг другу. При определении места того или иного явления в языке не может быть существенным, представлено ли данное явление за пределами данного языка и какое место занимает там, т.е. его универсальность или не-универсальность. Преимущества описаний, осуществленных на метаязыке

семантических примитивов, можно уподобить преимуществам литературы, которая была бы написана при помощи алфавита, состоящего только из самых простых в мире букв, при этом простота написания автоматически приравнивалась бы к распространенности. Вряд ли можно считать дополнительным достоинством данного метода и то, что осуществленные таким способом описания будут-де понятны всему человечеству, любому наивному носителю любого языка, «любому папуасу»: увы, лингвисты не читают работ Вежбицкой; для многих же лингвистов далеко не очевидно, почему определения лингвистических явлений через посредство примитивов «лучше», чем традиционные лингвистические и филологические определения. Попробуйте-ка перевести на примитивы «Войну и мир»! или объяснить специфику английской фонетики (например, межзубных согласных) неангличанам, или, например, объяснить таким образом «любому папуасу», чем отличается вкус кари от вкуса чили!

Насколько нам известно, до сих пор появилось только одно направление изучения речевых жанров, принципиально отличное от всего того, что когда-либо было высказано самим М.М. Бахтиным либо его непосредственными последователями: это идущее от А. Вежбицкой и получившее апробацию в ее исследованиях и исследованиях созданной и возглавляемой ею Семантической школы в Канберре кросс-культурное изучение РЖ [Wierzbicka 1987; Вежбицкая 1996; Вежбицкая, Годдард 2002]. При этом, по нашему мнению, менее оригинальной и менее существенной для собственно речезанрового изучения речи является идея универсального семантического метаязыка для описания жанров. Нисколько не умаляя значения данной концепции, мы считаем ее, с одной стороны, менее оригинальной (идея семантических примитивов была разработана для описания лексики и позже перенесена на описание более сложных языковых и культурных явлений, в том числе речевых жанров), с другой стороны, – малопригодной для описания синтактики РЖ, или «композиции», которую Бахтин считал важнейшей составляющей речевого жанра – см. ниже. Более существенной (и более востребованной в целом ряде современных сопоставительных, типологических, кросс-культурных, а также общетеоретических исследований) мы считаем идею сравнения национальных культур через посредство наборов разных универсальных и национально специфичных речевых жанров.

Автор проф. В.В. Дементьев